

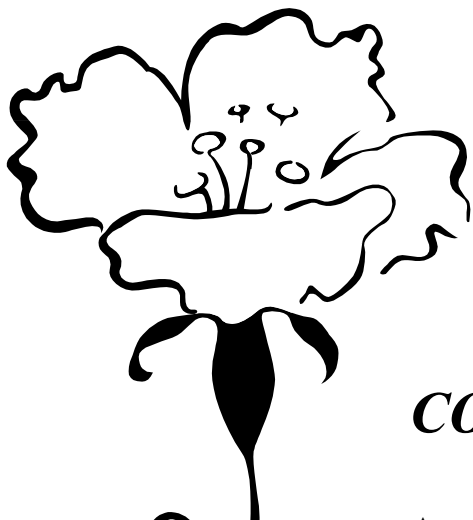
№ 1`
Май 1998 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Алексей Мильков

НФ *РАССКАЗЫ*

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ

УТИЛИЗАТОР И УДВОИТЕЛЬ (НФ рассказ) 3 стр.
СМЕХ (НФ рассказ) 7 стр.
НАДУЛИ (НФ рассказ) 13 стр.

Время, события, люди

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

ТАК БЫЛО И ТАК ЕСТЬ (мемуары) 30 стр.

Хроника литературной жизни (А.Мильков) 32 стр.

Библиография ухтинских авторов 33 стр.

Персоналии 34 стр.

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91
Игорь Терновский 6-12-46

Отпечатано на производственной базе
ОАО УНПЗ
Ген. директор Ипполитов Е.В.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА “УХТА ЛИТЕРАТУРНАЯ” !

Литература в Ухте на сегодняшний день – занятие нескольких сотен человек. Они пишут, ходят на литобъединение, собираются на поэтические вечера. Только что лучшие из лучших не получают ухтинские “Ники” и “Оскар”.

Судьба ухтинской литературы сродни советской, а сейчас – российской. Она развивалась достаточно благополучно, в рамках общего литературного процесса. Все то же самое, все те же этапы большого пути, только ухтинские поэты не стрелялись, а, наоборот, стиснув зубы, выживали, как наш “ухтинский Шаламов” Николай Володарский.

Были произведения, преисполненные шовинизма, проникнутые пафосом интернационализма, патриархальные, откровенно лозунговые. Никто уже не пишет о коварных империалистах и благородных коммунистах. Ушли во вчера певцы утопического завтра. Тем не менее, старая ухтинская литература не являла собой образец унылой серости, а благополучная новая генерация на том фоне, возможно, даже скучней предшественников, заплативших когда-то высокую цену за свободу писать. Да и старые авторы были более дисциплинированные и организованные, чем новые (В.Федоров-Эрентраут).

Сегодня писатель не стоит перед выбором двух тираний – бюрократической и идеологической. Потому что появилась – рыночная. Сегодня не надо знать, как легко можно обвести вокруг пальца заорганизованные и неповоротливые Главлит и Госкомиздат. Но никто из ухтинских писа-

телей, честь им и хвала, ни тогда, ни сейчас не переквалифицировались в управдомы.

По художественному мастерству и влиянию на человеческие умы самое заметное место из бывших и настоящих ухтинцев-писателей занимают прозаики А.Рекемчук, А.Знаменский, Б.Шахов, Б.Тарбаев, поэт-прозаик В.Журавлев-Печорский, поэт Н.Володарский, детский поэт А.Журавлев, эрудированный эстет поэт И.Терновский.

Старый традиционализм с явным перехлестом на реализм, уходящим корнями в бытописание (Н.Володарский, Н.А.Жуков), уступает место очередному традиционализму. Формируется “новая волна” (А.Пашнев, А.Илларионов, П.Корюгин, С.Широкова), взявших курс на “гуманитаризацию”. “Новую волну” определяет плотная лирическая насыщенность с упором на эстетизм, погружение в вечные проблемы, раньше бы сказали, бытия, а сейчас – естества. Восточные проявления и религиозные мотивы в творчестве поэтов П.Корюгина и С.Широковой ставят во главу угла терзания плоти и еще больше блуждания духа. Все остальные (А.Пашнев, А.Илларионов, Г.Иванов, Г.Ботвинник, Г.Сологуб, Н.Фоменко, И.Поповнина, И.Кутепова, В.Миронов, В.Аншуков, Н.Канева) были и есть чистые лирики – кто-то больше, кто-то меньше.

По сравнению с поэзией, состояние нынешней прозы противоречиво. Есть благополучно печатающийся Б.Шахов, а есть пишущие в стол

В.Жуков и Т.Новикова, открытие которых еще впереди.

Человечество, в общем-то, не предназначено для счастливой жизни и счастливого конца. Не хэппи-энд удел человека. Предназначение человечества в другом. Надо просто жить. В борьбе. В развитии. В стремлении. В обществе поголовной грамотности литература сегодня потеряла свое значение образовательности, несения разумного, вечного. Но всегда будет существовать огромная потребность в историях, осмысливаниях своего и чужого поведения на примерах. И в этих элементах литературе нет равных. Вода может существовать и при 1, 20, 30, 100 градусах. Вода одна и та же, а агрегатное состояние ее разное. Так и у человека. Только литература через психологию и переживание чувств описывает все состояния, как того, в принципе, хочет и ищет читатель. И никто больше ее и эффективнее не борется с косностью, ханжеством, с дураками и занудами.

Журнал “Ухта литературная” будет выходить с любой периодичностью по мере подготовки материалов. Он будет и тонкий и толстый. Не суть принципиально. Главное, журнал должен собрать и сплотить вокруг себя не только уже состоявшиеся творческие силы, но и молодое поколение, сгруппировать все жанры, направления, стили.

Литературный процесс двигают не только гранды, но и поденщики халтуры. А как быть с теми, кого можно назвать “продавцами воздуха”, что само по себе уже интересно, как феномен? Откровенная халтура у нас не пройдет, потому что есть законы литературы и их надо придерживаться, но в то же время в журнал не заказан путь “продавцам воздуха”, как графу Хвостову или лауреату Ленинской премии Л. Брежневу, чья история уже неоднозначно, но рассудила. Мы не имеем права им отказывать, иначе будущий Пушкин не будет тем самым Пушкиным.

Редактор первого номера

Алексей Мильков

УТИЛИЗАТОР И УДВОИТЕЛЬ

Маргарита Фиалковская, глава телекоммуникационной компании “Телеэко”, всегда плевалась при упоминании имени Колпрайзинина, потому что он без ее согласия женился на ее восемнадцатилетней дочери, самой перспективной и богатой невесте в городе. Он, незavidный жених на большом пространстве неограниченного рынка подходящих кандидатур, хотел сравнительно легко войти в общество, куда доступ закрыт для всяких проходимцев, и он сумел проскользнуть ужом. Маргарита тайно в душе обвинила его в банальной охоте за приданным, еще ко всему, он не продемонстрировал талант финансовых манипуляций. У неё было чувство, будто она выбралась из гнилой помойки и никак не может отмыться. И мятежный зятек резко попал в немилость.

Маргарита Фиалковская была невысказанно богата, но что поразительнее – еще и умна. Всё в одном флаконе. Она великолепно музицировала, играла в теннис и шахматы, умело управлялась велосипедом, немножко пела, немножко рассуждала о литературе, всё это делала превосходно для дилетантов. Тридцативосьмилетняя, она была хороша собой: ровные густо подрумяненные щеки, ухоженные длинные ногти, губы, намазанные чуть ярче, декольте чуть ниже, платье с разрезом чуть выше – всё это на грани широкого диспута, что считать приличным, а что нет. Конечно, прилично и пристойно у такой богатой влиятельной женщины. Еще оголенные красивые спина и плечи.

В строгих глазах старушки Колпрайзинин в который раз читал осуждение: “человек не из их света... и такая жена?” Ему нужно было доказать обратное и прибрать к рукам все состояние компании “Телеэко”. И удваивать капитал. Удваивать и удваивать! Мечты, мечты! Никто за просто так зятю состояние не отдаст.

Колпрайзинин в свои сорок с небольшим лет был статный, красивый блондин. В его взгляде лучистых, бесхитростных глаз приветливо сквозила неудержимая гордость за свою молодую жену, а крепко стиснутые губы выдавали непреодолимое упрямство. В движениях

проглядывала уверенность только что вошедшего в чужой дом человека, на виду у всех неотступно следующего своим принципам, постоянно следящего за собой и умеющего видеть себя со стороны. Все сходилось на том, что он не по возрасту ревностно относится к своим правам и обязанностям в отношении новой семьи и ко всем членам этой семьи, включая тещу. Тому порукой была любовь к молодой супруге, готовящейся стать матерью и отбывшей в расположение частного перинатального центра на сохранение. К ней присоединили монитор и капельницу. Опутанная удивительными металлическими шлейфами, с катетером в позвоночнике между третьим и четвертым позвонками и иглой в вене, она была лишена признаков изящества. Вокруг шла нормальная медицинская суэта. Колпрайзинин удивлялся тому, что, как мужчина, он довёл свою жену до такого критического состояния, что он, по существу, палач, при этом сохранив за собой лицо честного человека без тени вины перед окружающими. Только Маргарита, нет-нет, да напоминала ему, что у него отсутствует всякая совесть.

Вчера они пили коктейли. Случайная встреча. Он и Маргарита, представшая перед ним в ярком лазоревом платье и изящных замшевых туфельках. Она забыла, что хотела сказать ему резкое в лицо. У Маргариты после первого бокала блестели глаза, щеки заливал румянец. Говорили как старые знакомые, переходя с темы на тему, и все не могли наговориться. И о любви с первого взгляда, и о родстве душ не важно с какой разницей в возрасте и общественном положении, и взаимном понимании, и о том, как редко встречается в жизни настоящее чувство. Он давал обещания, что у них будут дети, лучше девочки, чем мальчики...

Маргарита не то чтобы, но возмутилась:

– Нет, не надо много девочек, лучше одного мальчика. Мы стареем. Кто будет развивать компанию дальше?

– Как скажешь, мамочка, так и сделаем. – Маргариту он называл мамочкой.

– Вот-вот, это правильно.

– Я хочу смотреть в глаза с максимально близкого расстояния, – медом расплывался перед ней Колпрайзинин, – и днем и ночью, и завтра и послезавтра. Только смотреть и ловить взаимность и желание. Да-да, желание! И чтобы все-все исполнилось! Когда жжет в груди от огня и в сердце поет, это и есть любовь, да?

– Ты – чудо! – раззадорила она.

Потом они каким-то образом оказались на озере. На золотистом песке пляжа лежали четкие тени берез. Нежно ластились накатывающиеся к ногам волны от проходящих катеров, и тогда вода накрывала их обувь, а когда волна отходила, зыбь играючи колыхалась у берега с шелестом песка. Маргарита на тонких каблучках не могла идти по вязкому песку, руки раскинула, глаза полузакрывала – таким манером ходят, должно быть, лунатики по коньку островерхой крыши, или огнепоклонники по горящим угольям, или пытающие судьбу по лезвию бритвы. Она завязла и хохотала над своей беспомощностью.

И вдруг упала на спину, неловко подвернув ножку. У нее проблеснуло подобие слезинки.

Колпрайзинин взял ее на руки и увидел у самого лица бездонные расширенные зрачки. Игривое лицо

женщины сразу стало серьезным, и он понял, что пора ее поцеловать. Другого не дано, и если он этого не сделает, прощай любое упоминание в ее завещании в его пользу.

Внутренность его взбунтовалась от промашки, какую он сделал. Он то думал, что говорил о любви к ее дочери, а она решила, что к ней. Как далеко можно зайти в разговорах с женщинами? И тут он смекнул, что существует удивительная сила слова, что слова, предназначенные к одной женщине, могут сработать не хуже на другой. Это то же самое, если будешь признаваться в любви по телефону “киска – я твой суслик”, и тебя подслушают другие женщины, то эти другие воспримут обратное признание на свой счет.

Тогда он в свою очередь упал, тоже подломив ногу. Это был удачный выход из щекотливого положения. Они лежали и смеялись всласть.

Вчерашний день открыл Колпрайзинину на многое глаза. И самое главное – с тещей надо что-то делать, если она вмешивается в его личную жизнь и нельзя с ней сладить. Черт с ним – с завещанием! И жена будет приветствовать это обеими руками.

В этих мыслях он провел утро, пока не зазвенел звонок и чуткий спаниель не рванулся к двери. Она открылась. Показался грузный краснолицый коротышка в очках с характерным профилем удлиненного затылка, который заискивающе старался пропихнуться в комнату. Всем своим обликом он напоминал умытого поросёнка. Розовое добродушное лицо, украшенное простоватостью, создавало именно такое впечатление. Возле его ног, облаивая большого спаниеля, уже прыгала мелкая чихуахуа, мешая хозяину пройти. Маленькое худое рыжее собачье отродье – существо с длинными ушами, влажным носом и желтыми глазами. Собаки тут же нашли общий язык, а спаниель к тому же начал обнюхивать чихуахуа.

– Я не от фирмы широко функциональных услуг “Санита Парк”, надоевшей всем. Я – частное лицо. Вы богаты и не постоите за ценой. – Он уже наполовину переступил порог, не обращая внимания на начавшего лаять на него спаниеля.

– Что вы хотите?

– Вас должны заинтересовать Утилизатор и Удвоитель.

– Знаю ваши штучки: повсеместно распространенные, многоканальных систем всех модификаций...

– Нет-нет, первые и единственные экземпляры.

– Носки утилизировать может?

– Может.

– Пиджак, брюки, рубашку, может?

– Может.

– Сталь, золото, пластмассу, резину?

– Все может. Наш утилизатор марки ВП (всепоглощающий) может утилизировать все, что пожелает клиент, вплоть до живой и мертвой субстанции.

– И даже все сразу.

– Все сразу.

– Гарантия?

– Сто лет.

– Хорошо, присылайте утилизатор.

– А удвоитель не желаете?

– Вообще-то мне нужен только утилизатор.

– Берите, не пожалеете.

Колпрайзинин решительно сказал, как отрезал:

– У меня и так все есть, чего душа желает. Я ни в чем не нуждаюсь.

– Деловые люди, которые не понаслышке знают, что такое арифметическая и геометрическая прогрессия в финансах, никогда не упускают случая. Удвоить можно всё, вплоть до авуаров.

– Уговорили, и удвоитель тоже.

Через полтора часа розовый поросёнок распорядился внести два больших, длинных ящика, по форме чем-то напоминающих гробы своей суживающей к одному концу конструкции. Никаких циферблатов, рычажков, выключателей, – словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Колпрайзинина, должна иметь каждая машина. Просто деревянные ящики, снаружи обтянутые красной материей, а внутри отделанные пурпурным бархатом. Сбоку прибиты бронзовые таблички с выходными данными.

– Утилизатор и удвоитель, стилизованные под...
гм... – недовольно пробурчал Колпрайзинин.

Розовый поросёнок не остался в долгу.

– Не обращайтесь внимания. Главное, как они выполняют свои функциональные обязанности.

– А это для чего? Красный бархат с черной бахромой? Что это, хотел бы я знать?

– Не подумайте – еще одна дополнительная из декоративных деталей отделки интерьера.

– Принцип действия утилизатора?

– Молекулярное разложение на составные части с последующим распылением по биосфере.

– И следа не останется?

– Конечно. Что с воза упало, то пропало.

– А сам себя утилизировать сможет?

– Может.

– А удвоитель?

– Какой разговор – удваивать.

– Принцип действия удвоителя?

– Вы видели фильм про похороны, прокрученный наоборот? Так вот у него действие обратное утилизатору.

– А каковы его возможности для удвоения?

– Места в нем много. Не забывайте, что выпуклая крышка несет еще один дополнительный объем.

– Э... вместимость...

– Ровно 0,28 куба.

– Не сказал бы, что много для такого ящика.

– Строго в соответствии с замыслом. Целью было добиться сочетания оптимального объема с внешней атрибутикой, связанной с внушаемостью на клиентов.

– Отличный вид!

– Я рад, что вам нравится. Над проблемой стиля билась долго и упорно. Некоторые доказывали, что образцовые утилизатор и удвоитель непременно надо создать в форме стиральной машины или телевизора. А если длинномер? И возобладало мнение, что они должны быть в виде гроба, это ближе человеку по духу, психологии и сути, уходящими корнями в старину и обычаи.

– Красота и функциональность мне нравятся, не нравится их откровенная циничность.

– Победило требование рационализма и универсализма. Когда вы увидите их в деле, все сомнения отпадут сами собой. Очаровательно, не правда ли?

– Недурно задумано, – сказал Колпрайзинин, закуривая очередную сигарету.

– Абсолютный императив – человек стремится к реализации своего высокого звания и смысла жизни, заранее подходя к черте достойного существования.

– Во всем остальном тайна фирмы?

– Возможно.

– Чудо?

– Не то что бы... но если вдуматься в их работу, то – да. Мир перед проблемой, например, куда девать ненужный хлам.

– Или приобретение новых вещей...

– Да-да. Вот ваш спаниель. Почтенный кобель. Я правильно говорю?

– Как в воду смотрите.

– Вы любите свою собачку?

– Люблю.

– А сколько ему лет?

– Двенадцать.

– Скоро умрет. Но смею заверить, что удвоитель поможет вам сохранить обычное душевное равновесие, так сказать, состояние эмоционального спокойствия, а утилизатор выполнит миссию круговорота веществ в природе...

– И еще. Можете продемонстрировать?

– Пожалуйста. – Коммивояжер посмотрел доверчивыми, чуть испуганными глазами, но заскочил в ящик, улегся в нем и сложил руки крест накрест. Только что был розовый поросёнок, а с закрытыми глазами и бледным лицом странным образом он уже напоминал покойника.

– И когда ящик начинает срабатывать?

– С того самого момента, как только закроется крышка.

Колпрайзинин усмехнулся, глядя на лежащего, а тот произнес:

– Кстати вам смешно, а самый лучший утилизатор – это именно гроб. Поэтому наши конструкторы, не мудрствуя лукаво, взяли прототип прямо из жизни, из практики.

Вид лежащего коммивояжера навел скуку или больше того тоску на Колпрайзинина. Нельзя сказать, чтобы он был особо очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Колпрайзинин, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда. Кроме того, вид гроба в некоторых случаях обычно убеждает самых недоверчивых в далеко идущих планах.

Он резко взял крышку в руки, и коммивояжер с ужасом выскочил из гроба.

Колпрайзинин в этот момент всё решил окончательно и сказал:

– Оставьте.

Он уселся с сигаретой в просторной прохладной гостиной и начал перебирать в памяти недавние события. Почему-то не выходила из головы теща. Да, несомненно, у Маргариты было немало различных достоинств, но чуткость и трезвый ум, к сожалению, не входили в их перечень, так что наивно было ожидать от нее позитивного поворота. Напротив него на табуретке лежал утилизатор, на другой удвоитель. Крышки стояли вертикально, прислоненные к стене. “Оригинально, вот

будет потеха!” – подумал Колпрайзинин. Он поставил всё в кладовку и стал думать, в каком костюме лучше всего лежать в утилизаторе теще.

Вечером того же дня Маргарита пришла сама. На столе ее ждала бутылка шампанского. Потом он принес еще одну бутылку, и еще. Последний бокал шампанского с клофелином разморил ее в чистую. Колпрайзинин посмотрел на неё. Внезапно его глаза наполнились слезами, его даже обуряло подобие страха. Маргарита умерла, она действительно отдала Богу душу. Прямо в бледно-салатовом пеньюаре он уложил ее в бархат утилизатора.

– Маргарита! – хрипло воскликнул он. – Пожалуйста, не уходи! Пожалуйста! Не покидай этот мир!

Маргарита лежала без движения, и он опустил на колени перед ней.

– Пожалуйста, Маргарита, пожалей нас, свою дочку и любимого зятя. Мы не можем жить без тебя. – Колпрайзинин наклонился и стал покрывать лицо тещи поцелуями. И почувствовал обжигающее прикосновение её языка.

Она вдруг открыла глаза, на её лице сияла горделивая улыбка.

– Ты настоящий зять и по-настоящему плачешь, – прошептала она. – Самый прекрасный зять в мире. – Она медленно закрыла глаза.

Колпрайзинин напоследок бросил взгляд и отметил про себя, что, несмотря на годы, теща все еще умеет себя обворожительно подать настоящим эстетам: какая у нее большая, впрочем, лишенная вульгарностей пышная грудь, а какие широкие бедра, а стройные сильные ноги!

– Прощай, мамочка... – прошептал он и мягко опустил прекрасную, на длинном стебле, розу на скрепление рук.

Еще долгим взглядом он молча смотрел в утилизатор. Верить или не верить в воскрешение? Много пить нельзя – хотелось спать, и он боялся упасть в ящик, слезы застлали ему глаза, желваки нервно пульсировали у рта. Всё нормально: круговорот веществ в природе, прах к праху, пыль к пыли. Всю свою жизнь Маргарита ненавидела холод и темноту... Это их последнее прощание... Конечно, ему будет очень недоставать тещи...

Он подумал, сможет ли музыка согреть душу тещи, и включил ее на полную мощность. Маргарита даже не вздрогнула. Да, ему будет очень непросто свыкнуться с постигшей его утратой...

Вдруг Маргарита снова дернулась.

– Я люблю тебя...

Какая надоедливая теща! Колпрайзинин постарался быстро и точно уложить крышку.

Колпрайзинин проснулся, когда яркие солнечные лучи всю заливали спальню. Странно, сегодня третий день, а никаких известий. Рядом стояла прислуга с чашкой кофе, от которого шел горячий пар. Колпрайзинин сделал глоток и обжег горло.

– Который час? – всполошился он.

– Двенадцать.

– Как, разве полдень! – ахнул он.

Колпрайзинин умылся и оделся. Ровно в обед ему предстояло нанести визит теще – главе компании “Телеэк”. Вся будущность Колпрайзинина зависела от этого

свидания. Еще бы... Мысль об утилизаторе не отпускала его ни на шаг. Еще бы... Лишь бы предприятия “Теле-эко” перешли под его контроль, и чтобы никто не стоял на его пути, никто, даже теща. Вот тогда...

– Славный денек, сударь, – сказал мальчик-лифтер, пропуская его в лифт.

Колпрайзинин не сразу расслышал, он неотступно думал о Маргарите.

С замирающим сердцем он вступил в ее чертоги. Всегда приветливая старая экономка неожиданно нахмурила брови, встречая его. Взгляд у нее сегодня был почему-то укороченный, укоризненный.

Его встревожил вид экономки, а ее, еще больше, его.

– С вами все в порядке? – спросила она.

– Со мной-то – да, конечно, – ответил он.

Он не отвел глаза. Уж она-то больше всех знает. Но что? Не догадывается ли? Небрежным тоном спросил:

– Хозяйка дома?

Колпрайзинин приготовился услышать приятное, не что-нибудь о наивных проделках Маргариты, мол, посадила цветы в картонку от шляпы, поливала сад горячей водой, намылила голову зубной пастой из тюбика, а что она пропала, что ее нет уже три дня, что ее нет в живых.

Но экономка почему-то медлила, зачем-то подвела его к диванчику, придвинула столик с вином. И стала говорить, чуть не плача:

– Я понимаю вашу боль, крепитесь молодцом, держите себя в руках. Это такое страшное потрясение...

Он начинает смутно догадываться.

– Она умерла?

Колпрайзинин не замечал, как по его осунувшимся щекам потекли слезы. Экономка подметила скорбные складки, бегущие от уголков его губ.

– Нет.

– Больна? Я найду ей лучших докторов. – Колпрайзинин смахнул слезы и решительно двинулся вперед.

– Вообще-то, она приказала не пускать вас и близко на порог, – встала экономка перед ним. – Хотя, был и другой приказ... Эти женщины непредсказуемы...

По ее лицу было видно, что она разрывалась, что ее подтачивали сомнения.

Он недовольно повел бровью и смерил ее сверху вниз взглядом.

– Это как иначе понимать? Она моя, как никак, теща.

Экономка сбивчиво начала рассказывать:

– Тут очень важно не ошибиться в деталях. Но всё по порядку. Однажды ночью Маргарита прибежала ко мне вся в слезах и сказала: “Я знаю, он не любит меня больше”. Кто? Она не сказала. А на следующий день стала веселая. И песни пела, и в спальне не запиралась. А я, простите, грешным делом подглядела в щелку, что она делает. Представьте, шила себе подвенечное платье из белого муслина, и все примеряла перед зеркалом.

Колпрайзинин недоверчиво переспросил:

– И пела песни?

– Да, последнее, что я слышала, она пела какой-то радостный, точнее сказать, бравурный мотивчик.

– Странно...

– И тут вдруг, – экономка всплеснула руками, – вошла другая Маргарита, точная копия первой. Так вот, пока одна пела песни и изнывала от тоски с вашим именем на устах, другая поносила вас как последнего негодяя...

Две тещи!?

Это было уж слишком для Колпрайзинина и удар по его надеждам и самолюбию!

СМЕХ

Эпиграф

*Смеются все. В жизни примат
смеха незыблем и подавляющий. Это
абсолютная философская истина.*

Автор

В кругу космолетчиков следовали несмолкаемые смех и шутки. Почему бы не смеяться? Если отчеты разведчиков были самые радужные, и их ждала прекраснейшая из планет.

– Наш “Корвет” приближается к Президенту Копасовскому, – предупредил начальник геологической экспедиции Коломиец.

– “Здесь будет город заложен!” – с пафосом продекламировал Холмский.

– Лучше всего построить ферму и завести экзотических животных со всего света, – сказал Горжалцан.

– Выкармливать, а потом снимать с них пушнину? – Все грохнули от смеха. Сегодня любой высказанный прожект порождал хохот до колик в животе. Больше всех преуспевал Истомин. Его дирижерские способности поднимать настроение особенно ценились. Ни секунды без смеха – был его девиз.

– Ты рискуешь многим, – сказал он Горжалцану. – По некоторым причинам...

– В смысле?... – Не понял Горжалцан.

– Твоим животным не пройти санитарно-биологический контроль на такую девственно-чистую планету.

– Почему?

– Он еще спрашивает? – И снова продолжительный смех.

– А ты чего не радуешься, Сиухин, – спросили его. – Ты чем займешься?

– Я построю лакокрасочный завод, – признался Сиухин.

Все прыснули от смеха.

– Деревья и траву красить в синий цвет будешь, что ли? – повернулся к нему Драгошевич.

Сиухин слыл мрачным, необщительным человеком. Его кислое выражение лица заменяло всем лимон, и когда кто-то спрашивал: “Кому лимон?”, все дружно отвечали: “Боже упаси”.

– Улыбнись! – сказали ему.

– Зачем?

– Просто так.

– Я не хочу.

– Тогда через “не хочу”.

– Чему улыбаться?

– Что ты дома оставил необыкновенную роковую женщину.

– Тут плакать надо.

– Зануда червяк точит. – Обиделись на него.

– А я буду вас банкротить, – вдруг зловеще на полном серьезе сказал Софоклис.

– Ну что ж, это в порядке вещей у цивилизованных людей! – Никто не возмутился, и следующий взрыв хохота потряс корабль.

Только Константинов еще серьезнее ответил Сиухину:

– В порядке вещей? Тогда ничего не остается, как только кому-то из нас увести у тебя жену, пока ты здесь.

– Президент Копасовский! – крикнул впередсмотрящий Шустов. На пульте управления звездолетом замигало табло: “Внимание!” и гудение зуммера настойчиво проникло в уши.

“Корвет” только выскочил из туманной дали, как новоявленная планета прошла трансформацию из коричневой в ярко зеленый цвет за три минуты, и он чуть не напоролся в самую зелень.

– Прежде всего – соблюдать осторожность. Мы забрались в такой медвежий угол Галактики, где до нас, кажется, еще никто не бывал. Тут возможны любые неожиданности. – Голос Коломийца сопровождал сходящих с корабля.

Сступив на землю и вдохнув первый глоток воздуха, они стали развешивать лагерь. Перед ними расстилалась дикая безбрежная местность, изобилующая романтикой высоких скал и низкорослых деревьев, изрезанная долинами, покрытыми густыми зарослями. Президент Копасовский был уютной планеткой средних размеров не так уж далеко от Земли на распутьи между созвездиями Гончих псов и Большой Медведицей.

Буры с алмазными коронками уже на второй день вгрызлись в гранитную твердь и сводки о первых метрах проходки пошли на Землю. Также без осложнений был пройден второй километр скальных пород.

– Еще несколько дней и историческая скважина на планете Президент Копасовский будет готова, – сказал Куустуунен.

– Жди у моря погоды, сначала рак на горе свистнет, – Горжалцан продемонстрировал ему фигу, кривую, смахивающую на человека с отвислыми ушами и длинным носом.

Потом он пожалел об этом. У нас народ какой – покажи кому фигу, он и засмеется. Куустуунен не просто смеялся, он зашелся смехом. Мышцы сердца у него свело судорогой, прервав смех на самой середине.

“Обширный инфаркт”, – констатировал исполняющий обязанности доктора помбур Литвинчук. Причина? Он задумался. “От смеха”... Хотя сердечные приступы от смеха дело скорее обычное, чем необычное. Но каждый, и Куустуунен в том числе, прошел на Земле исключительную физическую и психологическую тренажерную проверку. “При невыясненных обстоятельствах”. И такое не хотелось писать в историю болезни совершенно здорового человека, окончившего школу космолетчиков. Да и бросать тень на начальников не желательно, и запись появилась следующая: “...от воздействия неизвестных причин”.

Траур не остановил работы, и в несколько дней скважина с выносом зерна была готова.

Буровики возвращались после смены домой. Константинов, Шустов и Сиухин, шедший несколько сзади,

завернули за скалу. Константинов рассказывал Шустову анекдот:

– Все пугают: в космосе смертельная радиация, одиночество, звездная пыль, а космолетчики годами не вылезают из него. А их жены в это время рожают на Земле вполне нормальных здоровых детей.

Шутка понравилась, и Шустов не сдержался – гоготнул смехом. За ним хохотнул Константинов от произведенного эффекта. “Нашли, дураки, над чем смеяться”, – подумал Сиухин и демонстративно отвернулся. Видимо анекдот показался очень смешным, если они зашлись от хохота. Они смеялись вдрызг, так, что их было слышно даже в лагере, пока всхлипы не заглушил сходящий нарастающий гул с гор. Сверху посыпались земля и осколки твердой горной породы, звонко ударяясь о пластиковые каски буровиков.

– Эй, поостерегись! – крикнул Сиухин.

Но они ответить не успели. А если бы и успели, то Сиухин все равно не смог бы услышать ни слова от них, поскольку Земля под ногами и каменные стены вокруг угрожающе задрожали и все вокруг загрохотало. Казалось, стонет сама земля, будто недовольная вторжением непрошенных гостей. Все это светопреставление всё больше походило на ад крошечный. Хотя кто знает, может быть, такая жизнь на чужой планете и на самом деле является сущим адом?

Хаос дополнил мощный толчок и на буровиков обрушился непрерывный поток крупных камней. В этот момент по ним и прошла лавина.

Сиухин весь бледный, стоял с выпученными глазами, с широко открытым ртом, тесно прижавшись к скале. Груда камней и земли, под которой оказались Константинов и Шустов, долго оставалась неподвижной. У Сиухина подкосились колени – еще бы метра полтора и его бы тоже задело краем. Еще удивительнее было то, что идущие сзади Истомин и Софоклис слышали гул, но не видели, что произошло впереди.

Сиухин был радистом, и новая неутешительная сводка пошла на Землю.

– Ничего не предвещало трагедию? – спросили сидящего рядом Коломийца.

– Ничего, – ответил он. – Лавина сошла с горы как то неожиданно, хотя на нее и намек было. До этого были произведены контрольные выстрелы из шумовых ракетниц, убедивших всех в ее невозможности. Погибли Константинов и Шустов. А ведь все было заурядно хорошо, и несчастный случай выбивается из нормального ряда...

– Можно подробности? Кто-нибудь видел?

Как свидетель, Сиухин пересказал всё то, что ужасом еще стояло у него перед глазами:

– Всё было кончено в один момент.

– Значит, они были уверены в себе. Рассказывали анекдоты. Смеялись. Будьте впредь осторожны. – На этом связь прекратилась.

Геолог Холмский не хотел быть неудачным минером и принимал меры, но не мог ничего понять. На все попытки искусственно вызвать лавину природа не отзывалась. Повторно он перешел на взрывы, которые порождали трещины в коренной подстилающей породе, трещины расширялись, но все было безрезультатно. Лавин не было.

Не было! Хорошо это или плохо?

– Паранормальные отклонения... Аномальная зона... – возмутился он.

Коломиец кивнул.

– Иными словами, ты допускаешь, что лавину устроили некие темные потусторонние силы?

Холмский нахмурился, глядя на лицо Коломийца.

– Психокинез,двигающий породы. На это стоит обратить внимание.

– Ерунда. Слишком замысловатая теория. Гораздо проще предположить, что за нами следят и при первом удобном случае хотят расправиться.

– Может здесь замешаны туземцы?

– Нет уверенности.

– Знаешь, мне показалось, что и в первом случае, и во втором, жертвы смеялись. Не может это быть проявлением аномалии?

– Нет, – сказал Холмский, – наш универсал доктор Литвинчук говорит, что смех только лечит, поднимает уровень серотонина и тестостерона, избавляет от стрессов.

– Гмм... возможно, нам следует задуматься.

– Зачем?

– Это единственный неконтролируемый фактор.

– Тогда пусть все следят за своим поведением, чтобы не дай бог не спровоцировать новый смех.

– Остается только это допустить.

Атмосфера в лагере была накалена до предела. Потери ожесточили и озлобили людей. Почвы для юмора, как источника смеха, не было, если смерть начинает регулярно собирать дань с людей. Пока автоматическая буровая бурила, Коломиец организовал осмотр окрестностей. Необходимо было найти некоторые минеральные составляющие химреагентов.

Сегодня была очередь Сиухина готовить. Он ждал вечернего возвращения товарищей. Они подошли к лагерю уже на закате. Скалы бросали резкие, четко очерченные тени.

– Что это? – спросили вошедшие.

На плите дымился целый противень ростбифов.

– С луком?

– И с перцем, – ответил Сиухин.

Но это их не обрадовало.

– Горжальцану ростбифы уже не понадобятся.

Вид у всех был самый несчастный. Они внесли бездыханное тело Горжальцана.

– Что с ним произошло?

– Утонул.

– Но здесь поблизости нет открытой воды.

– Грязевое извержение! Никто на Земле, даже отдаленно, не мог представить себе, что это такое.

– Что же нам делать? – спросил Софоклис.

– Совать в этот район космоса не надо было и всё! – отрубил Литвинчук.

– Кабы всё знать... – возмутился Драгошевич.

– Это ловушка сработала.

Коломийцу вдруг показалось, что вся планета Президент Копасовский восстала против них, что эта милая глазу планета превратилась в холодную, заполненную ядовитым туманом гигантскую западню. По коже у него поползли мурашки, ведь он отвечал за судьбу экспедиции.

– К сожалению, Горжалцан доигрался, опять показал кукиш и снова смех, только собственный, обернувшийся против него.

– Шутник, – проворчал Софоклис. – Больно уж много шутников на Президенте Копасовском развелось.

– А если бы все остальные засмеялись?

– Шутка на шутку? – спросил Драгошевич и посмотрел на часы – ему надо было бежать на буровую следить за работой газокаротажной станции. Как газокаротажник, он отвечал за параметры в скважине: давление, температура, проходка, расход, газовая составляющая.

– Если это и была чья-то шутка, то развлекался очень талантливый и могущественный, то, что мы подразумеваем под темными силами природы.

– Попытка подчинить себе человека! – сделал вывод Драгошевич.

– Не получится. Человек никогда не смиряется с поражением. – Точка зрения Коломийца успокоила взбужденных буровиков.

Дальнейшие выводы не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть подозрения. Но факты оставались фактами, а факты – упрямая вещь.

– Она, природа, перешла от уговоров и предупреждений к активным действиям.

– А что мы делаем не так?

– Мы бурим. Мы проникли в святая святых этой планеты. Она бунтует, она защищается, она мстит нам. А сам смех воспринимает как верх оскорблений над собой.

– В абсолютно нормальном обществе нет поводов для смеха.

– В принципе, смех без причины и с причиной признак дурачины, а мы тут...

– Земля на связи! – услышал Коломиец голос Сиухина и характерные сигналы из другой палатки.

– Вероятно, инцидент от смеха. Я настаиваю... – передал на Землю Коломиец.

– Чем вы это объясняете?

– Я не знаю, как объяснить. Это слишком чудовищно для нас – потери личного состава без обоснования причин.

В ответ, даже не дослушав, откровенно рассмеялись.

– Вы не имеете понятия, что здесь творится! – И Коломиец в наушниках не услышал ожидавшиеся ни извержения вулкана, ни грохота падающего потолка, ни воздушной тревоги. Земля оставалась спокойной и благополучной планетой, не снизошедшей до их бед.

– Я утверждаю, – еще настойчивее было его следующее послание в организацию, которая по профилю своему обязана была моментально отреагировать. Но в Государственном комитете по чрезвычайным ситуациям ему с вежливой иронией посоветовали изложить все подробно на бумаге. Кому еще сообщить? В органы госбезопасности он надоедать уже не пробовал, так как реакцию предвидел заранее. Никто не отнесется к такой информации серьезно. Разве что психиатры. А психиатрам нужны в цепкие руки не столько неоспоримые факты, а люди с их чувствительной внутренней нервной организацией, воздействуя на которую психотропными методами, они считают, что добиваются положительного эффекта. Да еще покойники интересуют патологоанатомов. А они, живые и нормальные – никого.

– Земля подвергла меня официальному осмеянию, – признался Коломиец. – Сама Академия Наук над нами сейчас потешается.

Истомин чуть не всхлипнул от смеха, но сдержался.

– А теперь посмотрите, что происходит. Они не только хохочут над нами, они уже подумывают, как нас уволить с работы за мнительность, за академическую неряшливость.

– Они не верят нам, воспринимают рассказ о смехе как некую фантастическую белиберду. Между тем, если серьезно, у нас творятся странные вещи. Слишком много необъяснимых событий происходит в последнее время, в центре которых замешан смех. Судите сами: Куустуунен, Константинов, Шустов, даже уж какой осторожный Горжалцан и то... Вы скажете, стечение обстоятельств. Но вот сейчас на нас почему-то не падают камни, не развзрывается почва.

– Потому что в данное время мы находимся в рамках приличия и нам не до смеха.

Только на работе можно было отвлечься от мрачных чувств. Холмский шел на буровую впереди, а разговаривающие между собой Литвинчук и Софоклис отстали чуть сзади.

– Твоему сынишке сколько лет? – спросил Литвинчук.

– Сейчас два с половиной.

– А моей дочке на два месяца больше.

– Когда я в последний раз с ним игрался, он сделал на меня пи-пи прямо в лицо.

– А моя... тоже не раз... – осекся Литвинчук.

В глазах Литвинчука и Софоклиса одновременно вспыхнуло странное выражение – почти смех, а лицевые мышцы готовы были расслабиться. Желваком по ним прошла волна сопротивления и лица стали каменными.

Но было уже поздно.

Голоса сменились шуршанием песка, и Холмский обернулся. Он спокойно смотрел на то место, где должны были стоять товарищи. Он не побоялся подойти к краю только что образовавшейся воронки и позвать:

– Литвинчук, Софоклис, где вы?

Он напряг зрение – товарищей на месте не было. Где они? Улетучились? Никакого обмана зрения быть не должно. Только что были. Холмский в ужасе закрыл глаза ладонями и отшатнулся от ямы.

И все-таки...

Он стал убеждать себя в том, что его обманывает зрение, и всмотрелся более внимательно.

Это место еще шевелилось!

– Литвинчук, Софоклис, где вы?

Бездонно дыхнувшее эхо из черной ямы насторожило его, а на зубах заскрежетала пыль. С криком ополумевшего он отскочил от края.

Зыбь!

Еще вязко дышала и пузырилась сама земля.

В тот же день был тщательно произведен разбор этого случая.

– Почему-то только смех четко укладывается в стройную теорию соответствия, – Коломиец говорил сегодня много и надсадно.

Все укоризненно повернулись к Холмскому.

– Ты уверял, что твоя геологическая разведка донесла: здесь нет зыбучих песков и болотистых трясин.

– Я обнюхал каждый сантиметр. На этом месте гранитная плита. – Холмский пытался оправдаться и в истерике бил ногами по земле, желая пробить крепкую корку подкованными каблуками.

От воронки не осталось и следа. Буровики стояли на месте гибели товарищей, где были уже установлены при помощи бурилки два креста. И хотя оно вызывало суеверный ужас, впоследствии все ходили по нему, ощущая прочную твердь.

– Ссылка, что они не были предупреждены, сразу же отменяется, – сказал Драгошевич. С легкостью тренированного атлета он поднял буровое долото и поставил, как памятник, рядом с крестами.

– Пора выбираться отсюда. Похоже, кроме смерти, мы ничего тут не найдем.

– Главное для буровика – не впасть в панику, – нравоучительно произнес уже успокоившийся Холмский, – запаниковал – значит, потерял разум. А если потерял разум – пропадешь окончательно.

– Можно сказать, мы живем по соседству со смертью.

– Наверху смерть; внизу, справа, слева, кругом смерть. Мы должны знать философию смерти твердо, а уж геологоразведчик, копающийся в нетронутых недрах, в первую очередь.

– Да, дела совсем плохи. Ведь в этих местах никто никогда не бывал.

– А что мы еще хотим, чего мы ждем от этой неисследованной планеты?

Больше всего пугала неизвестность – смогут ли они выбраться из смертельных, не знающих пощады объятий планеты. Она как будто издевалась, надсмехалась над буровиками. Они, многознающие атеисты, стали бояться и принялись божитья как первобытные люди.

– Мы чересчур завязли, чтобы бросить эту планету. Мы просто обязаны довести дело до конца. Любой ценой, – сказал Коломиец. Ему было 48 лет, но выглядел он сейчас на десять лет старше. Он подготовил документ, в серьезность которого сразу поверил, несмотря на кажущееся легкомыслие.

“ПРИКАЗ участникам экспедиции

В связи с участвовавшими смертельными случаями, причиной которых был смех:

- 1. Запрещаю рассказывать анекдоты;**
- 2. Исключить смех как форму общения и вообще любые его проявления;**

P.S.

Во избежание последствий приказ довести каждому под личную роспись и ответственность”.

Кому приказ? Их осталось всего пять человек.

Истомин был высокий, представительный космолетчик, а по совместительству буровой мастер. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Он был скор на шутку, и обычно лицо его всегда светилось в улыбке. Прозвище у него было “смехотерапевт”, которое зря народ не даёт.

Сегодня Истомин был мрачнее тучи, потому что только он один знал, что этот приказ подписал ему неутешительный приговор, что он смертник.

Легко сказать – не смеяться. А если смех его естественное состояние души, способ существования нормального человека, его кредо, его жизненный, можно сказать, животный менталитет. Он человек, которого постоянно и неудержимо тянет на смешное, для которого забавных поводов хоть отбавляй. Хорошо, что сейчас постоянные трауры, но они когда-нибудь кончатся и тогда... Рано или поздно панический страх смеха будет преодолен, вот будет потеха... Нервы сжаты в тугой кулак, но это временно и не сегодня-завтра его отпустит тормоз и тогда он засмеется, да так заразительно, что...

Истомин терзался, он мечтал о смехе как о замшелом плесенью куске хлеба в голодный год. Сиухину хорошо, у него нет проблем, у него вечно дурное настроение, его на спор не развеселить. Ипохондрик! Истомин губами позеленел, а телом почернел не в силах сдерживаться, когда все располагает к смеху: и неуклюжие движения начальничка экспедиции толстячка Коломийца, и волчий взгляд Сиухина, и краб,двигающийся бочком по песку. Но приказ есть приказ.

Он сам подошел к Коломийцу и сказал:

– Ты помнишь историю Одиссея с сиренами? У меня что-то подобное происходит. Свяжи меня, изолируй, вставь в рот кляп, иначе я не жилец на этом свете.

—Ты что же, подразумеваешь...

– Я ничего не имею в виду, – отрезал Истомин, – но на всякий случай...

Коломиец вышел из палатки и позвал Сиухина.

– Запри Истомина где-нибудь, да проследи, чтобы он оставался под замком и под присмотром.

– Это превышение власти. Он ничего не натворил.

– Безусловно. Но что поделаешь – чрезвычайная ситуация.

Не смеяться для Истомина – все равно, что не дышать. Он хотел освободиться от груза неожиданно свалившейся невзгоды. И он решился. Была не была, терпеть не было сил. Или грудь в крестах, или голова в кустах! Истомин, сделав разрез в брезенте, вышел из палатки с высоко поднятой головой и отдался полностью во власть безудержного смеха.

– Люди гибнут за металл. Ха! Ха! Ха! Ха!

Слезы радости выступили на смеющемся лице. Смех и слезы! Не смех сквозь слезы, а самый настоящий смех со слезами на глазах от счастья. Сверху бухнулся камень и точно рассчитанным ударом вдавил голову Истомина в самые плечи.

Обследовали место падения камня. Никаких зацепок и следов. Откуда он только взялся из коренной породы скалы, отполированной до блеска ветром? Это было за гранью непостижимой истины.

На его могиле Коломиец с Сиухиным выбили на том самом злополучном камне надпись с двойным смыслом:

ЭТОТ ИСКРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК НЕ УМЕЛ ДА И НЕ ХОТЕЛ ХИХИКАТЬ ПРО СЕБЯ !!!

Кто на очереди?

В следующий сеанс связи с Землей Коломиец иступленно кричал:

– Все, свертываемся. Сматываем удочки к чертовой матери!

– Бурите еще. – Ответ был категорически прямолинейен.

– Вся планета в крестах!

– Бурите.

– Я спасаю людей, пока есть время.

– Родина ждет от вас результатов. – Приказ был непреклонен.

На планету прибыл следователь с острой по-лисы физиономией и полез с расспросами во все дыры. Из примечательностей у него кроме мышинных глаз были крысиные усы: редкие, длинные и жесткие. Еще как саламандра вверх по скалам умел карабкаться. Череду смертельных случаев, есть над чем поразмыслить. От усиленной работы мозга его концы усов завивались на глазах, и выпрямлялись, когда в голове проблескивала идея. Он собрал всех оставшихся в живых.

– Ну, давайте займемся вопросом. Вы передавали, что здесь происходят какие-то странные вещи. Какие странные вещи?

– Кажется, всё от смеха.

– Предположительно от смеха... Такое не бывает. Но к каждой версии надо относиться с уважением.

– Я тоже говорил, чтобы все не употребляли это слово, – скривился Холмский. – Звучит слишком банально и мистически жутковато.

– Значит, все погибли при несколько загадочных обстоятельствах. Загадочных только потому, что вы не смогли определить, несчастные случаи это были или нет?

После многочисленных вопросов, заданных Коломийцу, Драгошевичу и Холмскому, причина так и не обнаружилась. Чрезвычайные ситуации просто так не происходят. Вытянуть больше информации от Сиухина тоже не представилось возможным – это был зануда высшей пробы и уникальной силы.

– Каждая смерть вызывала много кривотолков, – сказал Холмский. – Не должно на том месте быть зыби. Я, как геолог, ручаюсь за предварительную экспертизу. И лавины не должно быть. И камня на голову. И грязевого потока.

Следователь задумчиво крутил свой ус.

– Настораживающее совпадение, особенно, если учесть поведение покойных перед смертью. Это похоже на месть фараона на участников раскопок гробницы Тутанхамона. **Неожиданно умирает от укуса москита лорд Карнарвон, обладатель концессии на ведение археологических раскопок в Долине Царей. Лорд Уэстбери покончил жизнь самоубийством. Его сын, секретарь главного египтолога раскопок Говарда Картера, умер от таинственной болезни. Арчибальд Рид упал мертвым, просвечивая рентгеновскими лучами какую-то египетскую мумию. Тут же умерли сотрудники Картера египтолог Артур Вейгель и А. Г. Мейс. Наконец, и сам Говард Картер пал жертвой проклятья, как сообщили газеты. Так или иначе, все лица, причастные к вскрытию гробницы, числом 20 жертв, были прокляты покойным фараоном, вечный покой которого они соизволили нарушить.**

Посыпались вопросы:

– Можно ли считать это простым совпадением?

– А если это случайность, то что тогда?

– У каждого человека по пятам идет роковое зло.

– Я настаиваю на эксперименте. – Впервые следователь выразил мысль, вертящуюся в каждой голове. Напращивалась идея имитировать ситуацию со смехом. Но как это сделать. Рисковать? Подставлять людей не хотелось. Сели, оползни, лавины, что еще ждет впереди.

– Кто согласен быть добровольным участником?

– В каком смысле?

– Подопытным кроликом.

– Это как?

– Кому-то надо засмеяться.

– Мы отойдем на расстояние. Здесь место не опасное, но...

– Вас может убить метеорит, – догадался Сиухин.

– Точно, – сказал Коломиец, – у всех как-то выпало это из внимания. Теоретически такое безопасное место для проведения эксперимента есть, но практически его не существует.

– Сейчас мы должны избавиться от смога условности, – сказал следователь. – Мы должны рассуждать творчески. Не только те, кто талантлив и творит по долгу службы. Каждый из вас должен быть со здравым смыслом. Так мы найдем возможность самим остаться в живых.

– Нам охарактеризовали вас, как лучшего следователя, что вы сможете все объяснить нам – кретинам, – попросил Холмский.

Следователь хотел улыбнуться наивному оптимизму, но вовремя прикусил губу.

– Не уверен, – сказал он.

– Может ты, Сиухин? – предложил Коломиец.

– Все что угодно, только не это, – открестился тот сразу.

– Но следственный эксперимент необходим и непосредственный исполнитель тоже.

– Я попробую проиграть эту ситуацию! – неожиданно согласился Холмский.

Пока геологу готовили опытную камеру с метровой стенкой из бетона, армированного стальной толстой арматурой, следователь ходил по планете, бегал, кричал громовым голосом. Ну почему? Почему земля не разверзается. Где хваленые чрезвычайные ситуации, где землетрясения?

На следующий день подошедший следователь заметил у камеры больше чем оживление.

– Что случилось? – У него ёкнуло сердце.

Холмский лежал на траве на спине и не двигался. Нет, пожалуй, он чуть подергивался, а веки чуть подрагивали. И постанывал. Он не был без сознания.

– Кто-то ударил меня по голове, – слабым голосом заявил он.

– Давайте его в помещение, – сказал Коломиец с каким-то брезгливым странным выражением.

Холмский застонал.

– Кто-то ударил меня по голове, – повторил он. – Кто-то пытался убить меня.

– А до этого что произошло?

– Мне стало смешно. Непроизвольно. Меня замуровали. Лишили свободы. Камера-одиночка такая маленькая с куполом и крохотный глазок наружу. Сразу ужасный тупой удар, прямо в макушку.

– Никто тебя не бил. Ты жертва своей мнительности и беспечности. Просто наткнулся на стену. Обычное со-

прикосновение, воспринятое как удар, затем усугубившееся падение с высоты своего роста.

– Ничего подобного! Меня ударили.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Смеяться не надо было, – уже чуть слышно сказал Коломиец.

– Стоп! Как вы сказали – смеяться не надо было? – ухватился за мысль следователь.

– Никого рядом. Глаза не завязаны, и я хорошо видел все. – Это были последние слова Холмского. Он умер под вечер следующего дня от обширного кровоизлияния в мозг.

Сиухин лег спать под впечатлением еще одной неслепой смерти. Усталость взяла своё и он заснул. В следующее мгновение он услышал смех и погрузился в тьму. Смех – высокий, вызывающий, ликующий хохот, полный триумфа и застарелой злобы. Раздавшийся затем голос был похож на злорадный петушиный крик, предвещающий рассвет в аду.

– Ты спишь или не спишь? – услышал он голос.

– Может утром разберемся? – Сиухин повернулся на другой бок.

Но следователь тряс Сиухина за плечо до тех пор, пока тот не приподнялся со своего ложа.

– Ну что ты от меня хочешь?

– У тебя что, бред?

– Что-что?

– Почему смеешься?

Сиухин очнулся от кошмара. Горел свет, а над ним склонился следователь.

У связиста от удивления отвисла челюсть.

– Как... Откуда тебе известно?

– Слышал, как ты гоготал во сне.

Сиухин облился потом.

– Но тогда почему я не умер от смеха?

– Вот это и удивительно. – Следователь задумался.

– Тебе дьявольски повезло. Этот случай резко поколебал представление о смертельной опасности смеха, а мы тут зря с ног сбились.

”Драгошевич!!” У Сиухина крепко сидел в голове газокаротажник.

– Это не я смеялся, а Драгошевич. Это я его видел во сне. – Какая-то страшная сила взвила Сиухина с ложа.

Все бросились к газокаротажнику в палатку. И точно, он лежал с застывшей улыбкой, спокойный и безмятежный, но мертвый. Смерть ворвалась к нему прямо во сне.

– Но что, если это правда? Допустим... – сгоряча завелся Коломиец.

– Давайте не будем, не надо этого разговора, – поспешил остановить его следователь. Он склонился к мысли, что уже и так все ясно.

– Нет уж, давайте представим все возможные дальнейшие действия планеты, решившей нас остановить, предупредить, наконец, проучить.

– Пора расставить все точки над “i” – поддержал Сиухин.

– То следующей жертвой должен стать... – Коломиец задумался, а когда поднял голову, увидел, что в упор на него смотрит Сиухин.

– Ты, – неожиданно в предупредительном тоне сказал он. Он застывшими глазами сверлил начальника экспедиции. Из-под вязких мохнатых бровей струился тяжелый взгляд.

– А может ты? – обиделся Коломиец.

Из двух гороскопов предсказание Сиухина оказалось самым точным.

Весь следующий день Сиухин постоянно был на связи с Коломийцем. Разговор с буровой был о нарушающей план низкой проходке, что работа остановилась за неимением рабочей силы. Сетования вдруг прекратились, и Коломиец засмеялся, словно его щекотали за пятки. В смех примешался посторонний звук, похожий на рык и щелканье смыкающихся челюстей, затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов и чавканье рта.

– Анатолий Борисович! Анатолий Борисович! – Связь прекратилась, как Сиухин ни пытался возобновить ее.

Сиухин стоял у могилки Коломийца и жевал огурец со смачным похрустыванием.

– Летим на Землю, пока тоже не погибли. Все равно попадем под каток смерти, – предложил он следователю.

– Нет, дело чести. Я имею большой практический опыт раскрытия и не таких дел и не подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, не существуя хоть малейшая зацепка.

Солнце ласково светило, направляя лучи в черные очки Сиухина. Вот кто был в своей мрачной скорлупе прекрасно адаптирован к условиям странной планеты, подумал следователь.

Огурец!

Следователю пришла на ум ходячая у физиков шутка, что среди употребляющих огурцы смертность равняется... 100 процентам.

И он... засмеялся. Сначала робко, с оглядкой. Потом все больше и больше. Смех превратился в гогот.

Только Сиухин втянул голову в шею и прикрыл лицо руками от страха и ждал, что сейчас земля разверзнется.

Он попытался остановить следователя.

– Вы что делаете? Здесь кругом гряда потухших вулканов. А вдруг они заработают? Ваш смех тянет на мощнейшее землетрясение или с моря нагрянет приливная волна, которая промчится по половине планеты. Я уже регистрировал дальние толчки...

Минуты шли, а следователь смеялся. Упоительно и громко!

“Стечение обстоятельств!”

И Сиухин с ужасом поймал себя на мысли, что, наконец, и он засмеялся.

НАДУЛИ

Во всей Галактике не сыскать удивительнее астероида, подобного Светлому. Здесь нет континентов, которые вырисовываются с расстояния в тысячу километров. Нет рек и озер, островов и гор, которые можно было бы увидеть сквозь облака. Но здесь есть одна, но грандиозная пахота над подземными водами и под шатром из прекрасного добротного воздуха, а стабильный климат не позволял думать о зонтиках или теплой одежде. И всё это создал рукотворный ум человека нового поколения на некогда выжженной скалистой песчаной земле.

Еще светило под вечер полное солнце, когда фермеры с кличками Кролик, Носорог и Слон оставили свои наделы и усталие после напряженного рабочего дня пустились домой.

Кролик и Слон ехали на джипах по пыльной дороге, иногда они в разговорах бились бортами. Носорог восседал на кобыле в яблоках и иноходью не отставал от них.

Кролик был ничем не примечательный – круглолицый среднего роста. Слон высокий красивый парень, но давно нестриженный, патлатый, со светло-рыжими волосами. Носорог в ковбойском одеянии с винтовкой и револьверами с каждого бока.

Они остановились и засмотрелись на небо. Там в яркой синеве на малой высоте три вертолета, похожие на крокодилокузнечиков, красный, желтый и “зебра” с хвостами из лент носились друг за другом в игре “кто кому зайдет в хвост”. Пилоты с кличками Паук, Корова и Коала, в азарте откинув шлемы, показывали друг другу кукиши. Паук, с большой головой увалень, зашел в хвост Корова – тщедушного мужичка. Однако, Корова ловко вывернулся, и уже сам пристроился в хвост вертушке Коалы, и уже целовал конец ленты. У Коалы, атлетичного, обветренного парня, обозначилась реакция досады от поражения, за его бесшабашной внешностью на лице на миг проступил ребенок...

На пути Кролику, Носорогу и Слону всё чаще стали попадаться выпасы и загоны. Домашние животные разных видов азартно спаривались друг с другом. Хряк, стоя, обняв передними копытами дерево, имитировал сношение. Петух делал попытки зайти гусыне сзади, но та была начеку.

Кролик с брезгливостью сплюнул слюну.

– Тьфу ты! Мать вашу...

Слон тоже смачно сплюнул.

– Господи! Что творится? В мире одно безумие! Больше делать им нечего, как только смущать почтенную публику!

Носорог в отличие от товарищей не сплюнул, а сглотнул слюну.

– Дети природы! Как я завидую им!

Паук, Корова и Коала на вертолетах затеяли над джипами торжественную карусель с элементами авиашоу, но заметив на земле проблему, низко зависли.

Неразумные существа, между тем, продолжали своё похотливое дело.

– Стойте, трусливые и подлые твари! – как Дон-Кихот на ветряные мельницы, театрально крикнул Слон.

– Вперед! – произведя выстрелы, задал шпоры Носорог.

Вертолеты, джипы и Носорог на кобыле стали разгонять совокупляющихся животных. Петух захлопал крыльями и высоко стал прыгать, норовя клюнуть лошадь Носорога под хвост. В свою очередь за его кобылой увязался жеребец, которого не пугала урчащая техника и выстрелы, и Носорогу пришлось постыдно ретироваться от него.

– Еле ноги унесли! – выдохнул он, приблизившись к товарищам. – Вот шальной! Своих кобыл мало, так чужих ему подавай!

Вертолеты приземлились и превратились в джипы и Паук, Корова и Коала выбрались на землю.

– Инстинкт продолжения рода выше всего! – сказал возбужденный от погони Коала.

Кролик был сегодня не в духе и встретил товарищей сетованием:

– Чертова работа! А вы глупостями страдаете – облака разгоняете!

– Чертова работа! Чертова работа! – передразнил Паук.

– Послушай, Кролик, – широко улыбнулся Слон, – я устал не меньше твоего, пропади она пропадом эта работа с утра до ночи, а завтра опять вставать ни свет, ни заря в полпятого. Но я не ропшу и не паникую.

Кролик, до этой минуты подавленный, вспомнил что-то приятное и привстал с сидения джипа.

– Чуть не забыл! Мне надо отыгрываться в очередной партии “козла”.

– Сегодня разве начало недели? – спросил Корова.

– А как же, домино по понедельникам, – напомнил Коала.

Носорог продолжил перечислять:

– Тренажеры по вторникам, распевки по средам, рыбалки по четвергам, охота по пятницам, единоборства по субботам, просмотры фильмов и танцы-манцы-обжиманцы до утра по воскресеньям.

Кролик проворчал:

– Других развлечений в этой Богом забытой стороне нет!

Паук изобразил кислую улыбку.

– Если ты действительно так скверно себя чувствуешь, возьми отпуск и подлечи нервы... на природе.

Кролик отмахнулся рукой.

– Отпуск сам у себя? Какой там! Сбор урожая на носу...

Мужики обомлели. В небе чертил след космический корабль. На всех перекладных они поспешили на центральную площадь.

Иван Болдин, купец первой гильдии, смотрел в иллюминатор на астероид, который издали выглядел как замшелый, осклизлый камень – прикоснись к нему и человека перекорежит от брезгливости, а то и вырвет. Но камень все светлел и светлел, и, уже подлетев ближе, он убедился, что территория в десятки квадратных кило-

метров была покрыта непривычно зеленой ласковой растительностью сельскохозяйственных культур.

– Ого! Значные пажити на некогда бесплодном астероиде! – Его восхищению не было конца.

Далее взору последовали удивительные постройки.

– Господи всемогущий! – Лицо торговца Ивана Болдина пылало от возбуждения. – Ребята, быстрее к левому иллюминатору! Вы только взгляните на этих охломонов! Понастроили заборов – сесть некуда! А вертолеты и джипы – рухлядь и ретро, из каких только музеев выкопанные!

На земле толпились шестеро бородатых, неухоженных, одетых, кто во что горазд, мужчин. Один вращал ручку маслостройки на перекинутом через плечо ремне. Солнечный край, буковые аллеи, пьянящий воздух, о котором сигнализировали анализаторы... только немножко портили картину хмурые, угрюмые фермеры с широкими грубыми ладонями.

Астероид имел приличные размеры и не был похож ни на какую-нибудь известную геометрическую фигуру, даже на напоминающую что-либо форму, разве что на кусок самородного золота, а потому посадка была затруднена. Тормозные дюзы пронзительно звывли. Корабль от первого прикосновения подпрыгнул как кузнечик, пропахав носом по земле добрую сотню метров, задев при этом чей-то забор, затем, как Ванька-встанька вертикально выпрямившись, замер. В постройках от посадки кое-где вспыхнули электрические искры.

Один за другим, пошатываясь, поднялись с земли глазевшие на корабль Паук и Корова и уставились на красовавшуюся на нем надпись “Торговый Дом “Иван да Марья”. Корова снова стал крутить маслостройку. Она, как шарманка, издавала приятные звуки.

– Все живы? – ощупывая ушибленное плечо, поинтересовался Коала.

– Дайте руку, – попросил Кролик. – У-у-у, проклятье! До чего коленка болит.

Слон помог ему встать.

Больше всех пострадал Носорог: и физически и материально. Это его забор был подмят под дюзами. Носорог лежал без сознания. Его усадили и шлепками по щекам привели в чувство.

Вдруг Паука словно переключило током и он закричал:

– Вон на корабле! Это точно она – женщина, прекрасная незнакомка! – Сердце Паука, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. – Глаз не оторвать, до чего хороша!

– Ты хочешь эту блондинку с бюстом всего лишь первого размера? – Голос Слона дрожал.

– А почему бы ей, черт возьми, выглядеть иначе? – стал защищать себя Паук.

Корова присмотрелся.

– И правда, женщина – как женщина, со всем приличествующим ей половым антуражем, скроенная по всем правильным канонам. Уж не думаете, господа хорошие, что пока мы живем одиноко, мы растеряли понятие о прекрасной половине человечества, как о добрых партнерах в труде, в семье и культурной жизни?

Носорог первый заметил подвох.

– Паук, разомкни глаза! И вы все, поданные царя Гороха! Это мираж! Где вы, головы садовые, женщину углядели?

– Да вон же, вон, в иллюминаторе!

– Не мелите чепухи! Это образцы товаров. А то, во что вы тычете пальцем, – кукла. Их талисман.

Крестьяне обступили корабль как стадо баранов, при этом теснясь и прячась друг за друга.

Люк с жалобным скрипом распахнулся. Разговоры и действия разом оборвались.

Щурясь от пронзительного вечернего солнца, торговцы ступили на астероид. Болдин время от времени подносил к глазам бинокль. Вокруг среди зеленых холмов простирались аккуратно возделанные поля с вожделенным урожаем. Слабый ветерок шевелил травинки, от цветка к цветку порхали бабочки. Вдалеке виднелись ветряки и водонапорные башни, подвижными точками ходили козы, коровы, лошади. Взгляд с восхищением замер на технической новинке: некоторые ветряки переключались на обратный режим, создавая потоки ветра для опыления культурных растений и подпитывая другие ветрогенераторы.

Болдин поднял в приветствии руку.

– Большой привет с вашей прародины трудовому крестьянству! Шоферы, трактористы, комбайнеры! Сеятели новой России! – и запел: – Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати. – И тут же спросил: – Вы случайно не родственники знаменитой трактористке Паше Ангелиной?

Замешательство со стороны поселенцев было неопределимым.

– Мм-мы забыли свои фамилии.

– Как ваш мегаполис называется?

– Нн-е поняли...

– Как ваша латифундия называется?

Недоумение на лицах не спадало и Болдину пришлось внести ясность:

– Колхоз! Колхоз! Я имею в виду ваш способ коллективизации и раскулачивания.

Только тут мужики понимающе закивали головами.

– Ах да! Нью-Москв.

– Чем занимаетесь, миряне? – осведомился Болдин, хотя ему и так было всё ясно.

– Слышите? – обратил он внимание прилетевших с ним партнеров. – Отовсюду доносятся живые звуки – мычание, хрюканье, бляенье. За каждым из этих звуков подразумевается определенный вид человеческой деятельности: скотоводство, свиноводство, овцеводство. Каждый звук служит отражением некоей конкретной цели и смысла.

Перебивая друг друга, словоохотливые мужики стали галдеть:

– Мы вспахиваем и удобряем землю, готовим ее к посеву. Затем сажаем семена и ухаживаем за всходами. Мы следим за ростом злаков от семян до ростков, от ростков до взрослых растений. И собираем урожай. Благодаря птицеводству, мы получаем яйца и пух, разводя молочный скот – молочные продукты и мясо, от землепашества развилось полеводство. На еду хватает и для реализации остается.

– Да, грандиозная работа! – Болдин, время от времени поднося к глазам бинокль и глядя на тучные нивы, уже прикидывал в уме будущие доходы.

Друзья торговца его поддержали:

– Титаническая!

– Что нового на Земле? – купцов засыпали многочисленными вопросами.

– Всё узнаете. Сначала мы устроим вам торговую палату, а потом покажем последние хроники из светской жизни.

Импровизированная выставка товаров (сепараторы, пастеризаторы, маслобойки, сыроделки, колбасоварки) была с размахом раскинута под вымахавшей исполином секвойей, служившей административным центром, местом сходок, свиданий с девушками, которых пока еще не было на астероиде, но которые обязательно будут, почтой и еще Бог знает чем. Но больше всего удивляла реклама. Рекламные объявления следовали одно за другим.

– Вас приветствует трансгалактический Торговый Дом “Иван да Марья”! – надрывались динамики.

Кролик хотел стороной сместиться на десять метров вправо, но и обочина дороги уже оказалась занята рекламой.

– Специально для вас, господа поселенцы – скваттеры нового поколения, широкий ассортимент товаров! – выкрикивал Болдин.

– Коммерция? – заинтересовался Кролик. – Значит, вы торгуете. Что же вы экспортируете?

– Достаточно. Ассортимент очень разнообразный на любую потребу покупателя.

– У вас большой выбор, – убедился Кролик, глядя на сельскохозяйственный инвентарь, выползающий по аппаратам из утробы корабля. – Отличный товар!

Трактора делали демонстрационную вспашку, бороны боронили, сеялки сеяли, жатки жали, сноповязалки укладывали снопы красивыми теремами. Косилка, на ходу стрекочущая ножами, чуть не наткнулась на Коалу, но обошла стороной, при этом чикнула дерево, и оно повалилось, едва не подмяв под себя Слона.

Кролик метнул на нее злобный взгляд.

Остальные поселенцы тоже возмущались.

– Эй, мы не договаривались, чтобы вы делали потра-ву и портили нашу землю!

– Мы приехали за вашим урожаем и готовы расплатиться орудиями вашего труда, – объяснили торгаша.

– А разнорабочие есть? – Колонисты чуть не упустили самое главное.

– Есть. Сугубо труженики полей, импровизированные под лошадей, волов, мужчин и женщин.

– Под женщин?.. – задумался Кролик. – Мне одного такого.

Он тут же начал придирчиво осматривать сельхозработницу: дотошно заглядывал ей в зубы, в уши, приподнимал юбку, раздвигал ягодцы. Изучил на ней табличку: название товара “Настя”, год изготовления, производитель.

– Что женщины могут? – сказал практичный Паук и приобрел двух волов. Они сразу же пошли в поле и, не трогая основную культуру, начали жевать сорняки, превращая их в пахучий навоз, оставляемый ровными кучками. На картофельном поле они также ловко слизывали колорадского жука.

Выбор крестьян больше остановился на волках.

Болдин даже удивился:

– Видимо слово “вол” оказывает на вас магическое воздействие?

Коала ответил за всех:

– Работать как вол, быть безропотным как вол, пахать как вол – по-другому мы не представляем.

– Поверьте нам, – запинаясь, сказал Кролик Болдину, пробуя отпереться от остального богатого ассортимента, и даже попытался улыбнуться, но губы не подчинились, – мы основательно привыкли к простой мужицкой жизни. Можно прекрасно обойтись и без всей этой механизации. Вот по части досуга у нас насущная беда. Было бы неплохо чего-нибудь предложить... Но что-нибудь такое... Этакое, чтобы прямо за живое брало, чтобы охватывало наш растущий запрос по этой части как следует...

– В смысле, оригинального для отдохновения души и тела нет ничего такого продемонстрировать? – спросил уже прямее Коровы.

Коала еще предметнее мечтательно закатил глаза.

– Что бы, как говорится, оттянуться по полной программе...

– Есть! То, что надо для настоящего мужика! – Болдин вынес ящик коньяка. – В самый раз! Дорогой очень.

– Не-е... – уперлись мужики. – Мы имели в виду не спиртное... Более сильное средство...

Носорог скосил глаза на куклу в иллюминаторе и совсем прямолинейно и предметнее задал вопрос.

– Что могло бы... ну, скажем, удовлетворить физиологические потребности нашего организма?

– Но это стоит больших денег, – быстро сориентировался Иван Болдин.

– Нам невтерпех!

– За животы схватитесь.

– Где, где эти конфетки-нимфетки? Показывай, мы мужички богатые, сбросимся, если что.

– Вы только приведите себя в божеский вид: постригитесь и побрейтесь, – поставил условие Болдин.

и т.д.

Пока колонисты приводили себя в порядок и водили Болдина по своим в разных стилях особнякам: с анфиладами, залами, фресками, химерами, амфорами, из корабля на свет были извлечены ящики. Развернув содержимое, оно превратилось во внушительного размера Диснейленд, в котором заиграла музыка и задвигались аттракционы. Афиши поплыли большущими буквами:

УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ! СПЕШИТЕ К НАМ! ВАС ЖДУТ: АТТРАКЦИОНЫ, ЖУТКИЕ ТРЮКИ, ТЕАТР ТЕНЕЙ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА, МАГИЯ, ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ!

Буквы последних двух строчек были много крупнее остальных.

Начал демонстрироваться хроникальный фильм. Впечатление было такое от светской жизни, что родная планета Земля взбеленилась от безделья и превратилась в сплошной эротический бедлам, особенно сильный в верхних эшелонах власти.

Болдин прибавил скорость показа. Эпизоды пошли не так тоскливо и даже забавно. Появилось больше гротеска. Каждый второй обыватель держал в руках или под мышкой журнал “Плейбой”. Кругом легализованные публичные дома, как женские, так и мужские. На улицах демонстрации нудистов – использовались кинотехнологии с закрыванием голых мест туманными нашлепками.

Фермеры возмущенно качали головами, но продолжали смотреть дальше, как в политехнологиях применя-

ется голая натура, как кандидаты в депутаты голосуют за себя в голом виде.

Кадры официоза о светских раутах с поцелуями рук сменились кадрами свадьбы, где невесту, сумевшую совместить порок и добродетель одновременно, умкнущие ее мужчины урезонивали всем мужским составом. Слышались реплики:

“Ты сумела совместить в себе порок и добродетель одновременно!”

“Как теперь отмоешься и очистишься?”

“Жених такой невинный, как дитя, а ты...” (“пип-пип-пип” в случае ненормативной лексики)

А уже новые кадры говорили о том, что жениху тоже было несладко, когда женщины заблокировали его одного, затащили в подвал и полчаса ублажали за то, что он не сумел, как следует, соединить обман и порядочность в одном лице. Сыпались реплики жениху:

“Ты не сумел пристойно соединить обман и порядочность в одном лице!”

“А там бы уж и сватался к непорочной деве”.

“Как с ним быть?”

“Может...” (“пип-пип-пип” в случае ненормативной лексики)

“Нет, сразу!”

“Дай слово, что будешь любить ее, иначе живым отсюда не выйдешь! Гад...” (“пип-пип-пип” в случае ненормативной лексики)

Оба состава устроили потасовку между собой, затем угомонились и свара закончилась примирением сторон, все дружно уселись за столы и закричали “Горько!”

Весь вечер, всю ночь и следующий день колонисты на славу резвились на каруселях, пока торговцы загружали в трюмы сельхозпродукцию.

Общий сход под секвойей собрал всех.

– Оставайтесь с нами участвовать в празднике Урожая, – стали уговаривать торговцев.

Болдин одним глотком выпил поднесенный стакан “раскаловки”. Его голова тут же стала пытаться сползти с плеч.

– Благодар... дорб... ствуем, – он встряхнул ее от дурмана. – Пора домой. Мы – женатые люди, сами понимаете, супружеские обязанности, быстрее к семье, к детям.

– Ну, еще день-два, – стали удерживать гостей колонисты.

– Господа скваттеры, латифундисты, колхозники с большой буквы, у вас жены есть? – спросил Болдин. – Если есть – такое не предлагали бы.

– Н-нет... мы не женаты.

– Очень плохо, – сказал Болдин. – Холостяцкая жизнь не запрещена, не возбраняется, но и не поощряется. Почти у всех есть жены. – Почти у всех, кого я знаю. Или любовницы... А почему у вас нет, господа хорошие? Вы растрчиваете лимит доверия в моих глазах. – Он достал из кармана бумажник, а из него фотографии с женскими ликами над голыми торсами, и развернул их как колоду карт. Затем из отдельного кармашка вынул еще фотографию. – Я не теряю время даром. Вот моя жена – постоянно беременная, не успеет разрешиться от бремени, как уже снова в положении... И дочка. Ей три с половиной года.

– Симпатичная малышка! – восхитился Слон и сунул фотографию Коале. Тот улыбнулся и передал ее Пауку.

– Ну, так как, господи?

– Право не знаем. Наверное, не встретили, – за всех поторопился ответить Слон.

– Но ведь женщин так много на свете.

– Только не в нужном месте.

– Есть города невест, планеты невест... – Болдин замолк, увидев печальные глаза на тоскливых лицах.

– У меня на Земле осталась девушка, – признался Кролик. – Но давно, очень давно это было.

Болдин обратил внимание на фермера, из глаз которого текли слезы.

– Тебя как звать?

– Кролик.

– А мирское имя?

– Точно не помню, кажется, Паша, – произнес Кролик, чем вызвал оживление среди сочувствующих товарищей.

– Не держи в себе грусть – надо выговориться, – подбодрил его Болдин.

– Я вспоминаю о Кате много лет, – Кролик продолжал рыдать, несмотря на то, что его, утешая, прижал к груди Слон. – Долгие годы подавляю в себе саму мысль о ней, но независимо от моего желания она упрямо всплывает в глубине памяти своими длинными волосами и прекрасно оформившейся грудью... спелого воскового цвета... Теперь она, скорее всего, принадлежит другому.

Болдин подтвердил его самые наихудшие опасения.

– Конечно. Вы, что, господа, думаете, где мужчина, там и женщина? Глубоко заблуждаетесь. Совсем наоборот. Там где женщина, там и мужчина возле ее юбки увивается.

Уже стоя на трапе, Болдин воскликнул:

– До чего обидно, ребята, что меня с вами не будет на празднике Урожая! Сами понимаете – жена Марья, давно не брюхатая. Хватит ей прохлаждаться. Что это такое за губительство – женщина, не вам, стосковавшимся по прекрасному полу, говорить. Как приземлюсь, сразу начнутся супружеские объятия, поцелуи и прочее с постельными атрибутами.

Он уставился на пустые поля.

– Да, борьба за урожай была нешуточная! – эту фразу он направил своим партнерам, а мужикам сказал: – Трудно быть коммерсантом – я целых полтора года не видел свою женушку. Как прилечу – отведу душу. Как она там без меня не беременная управляется?

Колонисты переглянулись, в горле у каждого возник комочек, в глазах каждого читалась зависть.

– Что-то вас тоска заела зеленая, мужики. Может, еще немного покатаетесь в антигравитационных креслах? – Болдин попробовал вывести их из унылого состояния.

– Н-нет, спасибо.

– А то полетели со мной, мужики, – предложил он. – По-моему, самое лучшее развлечение – это девочки! Там женщины – настоящие фурии, изнывают без мужского общества – поразъехались те все кто куда осваивать большой космос. Быстро выведут вас из строя. Отлежитесь, оклемаются, а потом обратно...

Колонисты снова переглянулись.

– Секс-тур? Мы бы не прочь, да у нас травостой, пора братья за сенокос.

Корова, тоскливо глядящий на иллюминатор, в окне которого на него смотрела немигающими глазами кукла, набрался храбрости обратиться с откровенной просьбой.

– Женщины – это хорошо. Вы бы нам что-нибудь относительно этого полу привезли.

– Настоящих живых женщин не обещаю – какая захочет в дальнюю ссылку, да в дикие условия, а прочие эрзац-заменители вы сами не захотите, – предостерег Болдин.

– Ну, вы всё равно подумайте и присмотрите нам каких-нибудь из ваших личных предпочтений и пристрастий – посолиднее... Ну, сами понимаете, о вкусах не спорят... – интеллигентно поддержал идею Коала, который, видимо, был больше всех сексуально свихнутый.

– Мы мужики в расцвете сил и возможностей, – присоединился к товарищам Слон, – и фурии нам не страшны! На них у нас есть мужское противоядие!

– Намек понят, предложение замечано, – сказал Болдин. – Всё будет – и первая женщина, она же лучший друг, и дети, которые пойдут один за другим как на конвейере. Иначе, зачем огород городить?

– Как долго ждать?

– Как только случится следующая оказия в вашу сторону – заказ обязательно выполним.

– Передайте привет вашей жене Марьюшке, – услышал он напоследок.

Корабль отбыл, и мужики тут же заподозрили неладное.

– Как это весь урожай за бесценок оказался в лапах торгашей? – закричали они. – Выброшенные на ветер деньги!

Джипы пустились вдогонку и за околицей превратились в вертолеты. Эскадрилья поднималась все выше и выше, пока не стала проваливаться в ямы вне атмосферы.

Колонисты приземлились и только качали головами, удивляясь своей оплошности.

– Гуляющий ветер по аттракционам, обнажившаяся шрамами до черноты почва на полях – вот всё, что осталось гнетущим напоминанием после посещения торгашей.

Всё же реалии мирной жизни возобладали, джипы встали кружком. Мужчины разбились на пары и стали отрабатывать атаку и защиту в боях без правил, при этом от визга при нанесении ударов закладывало уши.

Раздался сигнал на перерыв и секвойя приняла разгоряченных колонистов под своей кроной.

Носорог взял на себя функции председательствующего.

– Пользуясь перерывом, решим один вопрос. Мы собрались по поводу поступивших жалоб о неправильной застройке наших особняков. Слово для отчета нашему уважаемому архитектору.

Паук привычно начал выступление без всякой бумажки:

– Немного предыстории. Нью-Москв элитарный городишко из шести прекрасных дворцов, каждый хозяин которых стремится превзойти соседей в архитектуре, возносящейся вверх, желая при этом обойти соперников и в экстравагантности, и в масштабности проектов. Вся-

кий вправе уничтожить свой дом удобным для него способом, если при этом не подвергается угрозе дом других лиц. Очевидно, это правило по технике безопасности сыграло свою окончательную роль, и дома стали расти в ширину и вверх, затем только в ширину, пока не надвинулись и не стали теснить и затенять друг друга. Фантазия на этом у каждого фермера померкла. Считаю, закономерный положительный итог достигнут – что еще нужно?

Кролик выкрикнул:

– Давай лучше о перспективах!

– Решение только одно – пора буровить вглубь и вгрызаться в землю дальше и вширь!

Коала прикинул в голове.

– Еще год-два, и опять будет та же история с тесным пространством. Как быть?

Паук передразнил:

– Год-два надо прожить.

Слон не удержался от восклицания.

– А у нас не так уж плохо!

Корову тоже всё устраивало.

– Я скажу от себя лично. Действительно, Нью-Москв не кажется жалким и облезлым из множества, построек: бань, гаражей, мастерских, пакгаузов, элеваторов и скотобаз. Всё хоть и произвольной застройки, но каждый хозяин вложил свою душу. Что с того, что запах потных мужицких тел перемешивается с ароматами, оставленными животными и огромными цветами пападендронами и мамадендронами. Что с того, что грохот поп-музыки из всех шести шикарных резиденций, сливается в невообразимую какофонию? Главное, что умиротворенность и согласие не покидают наш райский уголок.

– И мне всё нравится, – сказал Коала. – “Дни высокой моды” сменяются на “Дни высокой культуры”, “Праздник длинной кукурузы” – на “Праздник толстой редьки”. Жизнь, как ни как, но складывается своим чередом.

Кролик был иного мнения:

– Сейчас меня на фоне нашего благополучия терзает внутренняя опустошенность, что я дурак, с трудом мучивающий свою неудачную судьбу, и потому все раздражает: и богатые урожаи, и жирные свиньи, и молочные козы, вплоть до самого себя. Я постоянно и уныло вспоминаю свой отлет с Земли, как смотрю в иллюминатор и вижу свою девушку Катю, задумчивое лицо которой промелькнуло мимо. И на лице ее отражаются те же переживания, какие терзают меня самого. Кажется, что я идиот, каких свет не видывал, потому что добровольно предрек себя в эту дыру.

Корова вслед всплакнул:

– Да, одиночество в огромном доме, что ветер в поле, только сильнее ощущается.

– Ты к чему клонишь? – спросил Коала Кролика.

– Я считаю Нью-Москв очаровательным, но картины сельской пасторали после отбытия купца Болдина бледнеют у меня на глазах, становятся как бы обезвоженными и безжизненными. Вот над чем надо поразмыслить нашему уважаемому архитектору.

– Подскажите, если знаете. – Паука передернуло от критики.

– Не хватает какой-то существенной детали... – Слон задумался. – Вдохнуть бы больше жизни.

– Я так понимаю – ищите женщину! – догадался Коала.

– Вот именно, выражу общее мнение, с женской натурой в центре.

Носорог посмотрел на часы.

– Кто подавал жалобы?

– Никто, – услышал он.

– Так как вопрос о застройке? – не понял Корова.

– Снимаем. – Носорог еще раз посмотрел на часы. – Есть проблемы более насущные. А архитектору не упустить из виду прозвучавшие пожелания.

Раздался сигнал о продолжении тренировки. Колонисты встали в спарринг и в прыжках начали больно наносить друг другу удары ногами и кулаками. Снова визг и уханье ударов, что уши закладывало, но атака и защита уравновесили все усилия бойцов.

Сельхозработчица Настя была красива с длинными волосами, развевающимися на ветру, и огромными голубыми томными глазами. У нее было простенькое, но миленькое загорелое личико. Пахло от нее неизвестными волнующими духами, исходящими от смазки в местах сочленений. Она ходила важно и степенно от грядки к грядке, повиливая бедрами, еле прикрытыми низко пристегнутой короткой юбкой.

Кролик решил на вертолете облететь свои владения. Он завис над Настей, потоком воздуха прижимая ее к земле. Он прекрасно видел, что ее юбка трепещет на ветру, задирается, обнажая ягодицы, но Настя не обращала на бурю внимания. Кролик взмыл вверх – она продолжала работать. Кролик стал стрелять из скорострельной пушки, так что снаряды ложились кучно вокруг Насти. Сначала огневой ад, затем дым рассеялся. Она работает, работает, черт возьми!.. Подобное неуважение к себе возбудило Кролика не на шутку. Он стал показывать чудеса высшего пилотажа у самого ее уха, но упал, расшибся, вывалился из кабины окровавленный и чуть живой. И первое что увидел – Настя продолжала работать!

Кролик специально остался в поле и, жуя травинку, целый час смотрел, как Настя в наклон полола свеклу. Он нашел в себе силы обойти ее вокруг, пытаясь заглянуть ей снизу в глаза, направленные на сорняки, и обнаружить за ней брак в работе, но к своему неудовольствию кроме красивых ног, пышных бедер, словно настоящих живых грудей и карминных губ подметил, что огрехов в работе она не совершала.

Вдруг она легла на землю, раскинув руки и ноги. Откинулись лючки, обнажив вместо грудей и живота батареи, подзаряжающиеся от солнечного света.

Это был верх трудового разгильдяйства.

– Хватит дуру гнать – работа не ждет! – Кролик подошел к Насте, схватил за плечи и потрянул с такой силой, что у нее металлически лязгнули зубы. Но она опять нахально легла на землю всё в той же недвусмысленной позе. Он еле сдерживался от возмущения, желая понять психологию бездельницы Насти, пока светящаяся точка на показателе подзарядки не оказалась в крайнем правом положении. Настя сама встала и принялась за сорняки.

Ровно через каждый час, секунда в секунду, она снова и снова устраивала процедуру подзарядки. В амбистовых глазах от умиротворения, когда она лежала коси-

ла на Кролика взгляд, было нечто такое, отчего у него сладко сосало в груди и останавливалось дыхание.

Его постепенно переполняло чувство... ненависти. Он пожалел, что приобрел ее.

Пригарцевавший на лошади Носорог застал Кролика, склонившимся над Настей, с побагровевшим лицом и сжатыми кулаками.

– Упиваешься красотами женского тела? – спросил Носорог.

Кролик молчал.

– Наслаждаешься эротическим шоу, но не знаешь, как подступить? – Носорог открыл бутылку минералки и сделал маленький, расчётливый глоток.

– Не наслаждаюсь, а возмущаюсь! – Кролик кипел от гнева. – Наше русское раздолбайство! Почему батареи не на спине, что было бы разумнее с конструкторской точки зрения?

– Но не похотливее... – Лошадь от этих слов вдруг вскинулась и чуть не опрокинула Носорога, но он успел досказать: – Конструкторы тоже себе на уме. Спрос рождает предложение. Как ты думаешь, количество продаж “Настён” с такой характеристикой увеличивается или уменьшается?

– Иезуитская насмешка над потребителями! – продолжал негодовать Кролик.

Носорог позавидовал товарищу и пожалел, что купил волов. С ними было производительнее, но неинтересно.

– Не говори за всех, – пожал он плечами.

– Н-да... – задумчиво отвернулся Кролик.

– Хороша?

Поднимая пыль, на джипе прибыл Коала и усмехнулся:

– Проблема, старик?

– Не то слово, – ответил Кролик. – Ниже всякой критики. Большой процент простоев.

– Всем отводится пятнадцать минут на перекур – чаю выпить, тачки смазать.

Подошел Слон и подтвердил:

– Понимаю, не подмажешь – не поедешь.

– Я ей покажу перекуры! – пригрозил Кролик.

– А я бы не мечтал ни о чем другом лучшем, – сказал Носорог.

Носорог был красивым мужчиной, и Кролик переполнялся мыслями, какой он ладный, работа так и спорится в его мускулистых руках. А Коала оправдывал своё имя – нет милее и ласковее его. Нет, геём Кролик не хотел быть, но мысли были определенной направленности и нехорошего свойства на проклятом этом от неимения досуга астероиде.

И скотоложцем не хотел быть, глядя то с вожделием, то с презрением на козу.

Сделали посадку вертолеты Коровы и Паука. Паук первым подошел к Кролику.

– Я обратил внимание на твоих коз. Породистые. Не продашь?

– Зачем? – спросил тот.

– Для племени.

– Сказано в библии: не возжелай козу ближнего!

– Еще чего? – блеснул эрудицией Корова. – Там сказано: “Не поклоняйся одной только козе и не боготвори ее”.

– А кого тогда... это... боготворить надо?

– Наверное, женщину.
 – Паук, а лошадь в яблоках Носорога тебя для племени не устроит?
 – Он вряд ли ее отдаст.
 Носорог обрадовался сделке.
 – Хорошо попросишь – отдам в надежные ласковые руки. У меня есть еще белая и черная.

На следующий день колонисты решили нанести визит Кролику. Почему-то эта мысль пришла им одновременно. Они остановили джипы у ворот дома и нашли хозяина задумчивым на лавочке. Рядом сидела Настя, раскачиваясь из стороны в сторону.

Кролик встретил гостей словами:

– Посмотрите на нее, настоящее чмо! Производительницы, конечно, из нее никакой, так – одно название.
 Корова возразил:
 – Не скажи! Звезд с неба не хватает, но как курочка – по зернышку клюет!

– Я бы ей всё простил. Только как ни гляну, а чего-то в ней не хватает, чего – не знаю.

– Теплоты? – спросил Коала

Кролик обвил руку вокруг талии Насти и стал тискать ее.

– Это у нее в порядке.

– Может, понимания? – спросил Паук.

Кролик положил руку Насти на плечо.

– Вот-вот, глянь, сидит и ухом не ведет, ей всё до лампочки, как кроту солнце.

– Какого ей рожна надо?

– Я сказал: она – чвань, глазами только стреляет! Хожу-хожу вокруг нее – пытаюсь понять, и что? Ноль внимания!

– Чертова бездушная кукла?

– Хоть бы ноги мне вымыла, массажем прошлась по спине...

– Или стихи читала.

– Хорошо вам с вашими роботами-волами – никаких забот. – Кролик увел Настю за руку на МТС (машинотракторную станцию) и запер на амбарный замок в одном из боксов вместе с сеялками.

Каждый день Кролик из вертолета вел наблюдение за работающей Настей.

И ему пришла идея, что...

Пролетал на вертолете Коала, и Кролик, выбравшись на половину из фонаря и перекрикивая ветер, начал делиться с ним мыслями.

– Настя могла быть модификацией другой модели – базовой, например... артистки, а это немаловажно.

– С чего ты взял? – удивился Коала.

– Уж очень натурально она изображает роль труженицы, передовика производства. Это настораживает. Меня не проведешь. Смотри!

Кролик стал пикировать на Настю, но она продолжала работать. Он вышел из пики в самый последний момент, потеряв в воздухе часть обшивки, двери и кресла.

– Видел? – показывал он рукой.

Вертолеты чуть не сшибались, но разговор продолжался на встречных курсах.

Коала согласился:

– Я думаю, подозрения не напрасны. В каждом дремлют нераскрытые способности, даже таланты.

– А если такое и в Насти!

– Конструкторы тоже живые люди и могли упустить из виду чего угодно.

– Вот! Надо только разобраться в ней досконально.

Коала ухватился за мысль.

– Перепрофилировать, расширить зону ее возможностей, например, научить выполнять всю работу по дому. Было бы замечательно!

– Кофе в постель!! – загорелся Кролик.

– Чай в баню!! – присвистнул Коала.

Мастерская Кролика содержала кузницу, причудливые агрегаты-монстры и алхимическое нагромождение сосудов. Капала вода в водяных часах. В ярком свете настольной лампы он положил Настю на верстак, поддев отверткой, снял аккуратно с нее переднюю панель, без которой Настя утратила свой былой импозантный, презентабельный вид, вставил в глаз ювелирную линзу.

– Так я и знал – усилительный дистриктор, – заключил он, осмотрев его, – провода тянутся к мозгу, по-видимому, к центрам удовольствия от работы.

Осмотрев сережки в ушах, ожерелье на шее и электроды от них исходящие, Кролик удовлетворенно хмыкнул:

– Страмер! Похоже, и здесь не нарушены права потребителя.

Кролик снял с Насти все побрякушки и юбку, отчего она окончательно потеряла женское превосходство, превратившись в бесполой агрегат.

Одновременно, записывая в журнал, Кролик продолжал бубнить под нос:

– Наружный осмотр ничего не показал. С левой стороны майзера, там, где обычно сердце, обнаружил крошечный активатор...

Кролик повел отверткой вдоль провода, проходящего по животу. Схему он тщательно заносил на бумагу. Он уже прошел весь живот...

До этого терпеливо лежавшая Настя шевельнулась, поводя голубыми глазами, и неожиданно обняла Кролика.

Заставший за этим занятием подошедший Коала констатировал:

– Вот какими утехами ты тут занимаешься?

– Это она сама...

– Что, значит, сама?

– Похоже, на рефлекс собаки Павлова.

Коала засомневался.

– Блеск полузакрытых глаз!.. – запнулся он. – Откровенное до пошлости кошачье беспокойство? В старой модификации Настя была... уличной девкой!

– Ты са-мый кра-си-вый, за-бав-ный, ты хо-ро-шенький муж-чи-на! – неожиданно раздался ржавый голос из Насти.

Кролика окружили Слон, Носорог и Паук.

У Кролика кровь прилила к голове.

– Что? Что ты сказала, непутевая? – взорвался он.

– Ты ми-лень-кий, мо-ло-день-кий и ро-ман-тич-ный му-жи-чин-ка. Я те-бя люб-лю. – В довершение ко всему Настя тыкнула пальчиком Кролика в щеку.

От неожиданности он выронил отвертку.

– Вот! Здрасьте! Я ваша тетя! Замычала глухонемая!

Настя взяла скрипку, пощипала струны, смычком извлекла пробные звуки.

– Слова и музыка народ-ные собст-вен-ного сочи-не-ния! – произнесла она и начала играть прекрасную музыку и петь.

Коала покачал головой.

– Сомнений не остается, старые уличные замашки у нее теперь выпирают наружу.

– Господи! Почему на меня такие напасти! – Со злости Кролик стал резать Настю болгаркой.

Пила сыпала искрами, а Настя тем не менее говорила как заведенная:

– Ме-ня не-ль-зя ли-шать жиз-ни, ме-ня на-до ис-поль-зовать до окон-ча-ния полевого се-зо-на, до празд-ника Уро-жая на в-се с-то про-цен-тов про-из-во-ди-тель-ности тру-да.

– Еще как, и можно и нужно! – никак не мог уняться Кролик.

Настя сопротивлялась, шевеля губами.

– Ты сла-в-ный и по-ря-доч-ный, жен-щи-ну па-ль-цем не оби-дишь. Я те-бя люб-лю и бу-ду люб-ить, по-ка ты лю-бишь ме-ня, а я люб-лю те-бя...

Настя окончательно застыла.

Только сейчас Кролик заплакал навзрыд и стал за-ламывать руки.

– Что, что я натворил?

– Я люб-лю те-бя, Кро-лик... – произнесла Настя и конвульсивно дернулась в последний раз.

– Где Настя? – спросил, услышавший визг болгарки, Корова.

– Нету Наськи. Нету! Вся вышла! – заскрежетал зу-бами Кролик.

– А где же она?

– Надоела! Не понравилась она мне сразу! – Кролик показал на грудку металла.

Корова сунул к губам Насти стакан с водой, попы-тался посадить ее, потом сложил ее части и начал делать искусственное дыхание. И в таком несочленном поло-жении она выглядела и умиротворенно и прекрасно.

– Да, металлолом металлоломом, восстановлению не подлежит, – поставил диагноз он.

– Может, она объявила забастовку от непомерной работы? – спросил Паук.

– Нет, – уклончиво ответил Кролик.

Коала как очевидец изрядно витийствовал:

– Я – свидетель. Она сама спровоцировала, встала в соблазнительную позу, какой мужик такое выдержит!

– Понятно, – сказал Слон. – Ты, Кролик, раззадорил-ся, а она оказалась не той степени готовности, какой ты хотел ее познать?

– Тянет тебя на сексуальные разговоры. Не в этом дело.

– Как же! Было! Всё было, и внимание и обожание в твоих глазах! – Коала был хороший свидетель.

Носорог спросил Кролика:

– Признайся, ты в ней увидел женщину?

– Нет.

– Не кипятись! Принуждала к сожительству, и в по-рядке самообороны ты...

– Он сам принуждал ее. Принуждал, я всё видел! – выкрикнул Коала.

– Да нет, не хотел... Я ее... непреднамеренно... слу-чайно... – отвел глаза Кролик.

Носорог заметил это.

– Не контролировал себя? А я что говорил? Конст-рукторы – умные люди, заложили маленький ноу-хау! Наткнулся на эрогенную зону, и Настя не выдержала – взбеленилась, крыша поехала, а ты в этом углядел жен-скую активность. А против любой женской агрессии все-гда есть встречная... взаимная... мужская! Все понятно.

– Я с самого начала предполагал, что меня обвели вокруг пальца. Торгашам бы покуражиться, надругаться над нами, колонистами, подкинуть неходовой товар.

– Зря ты превратил ее в расчлененку, – с сожалением сказал Паук, – сейчас мы бы доработали Настю в работа нового поколения и устроили с ней бордель. Музыка. Танцы. Стриптиз. Интим. А так – жди у моря погоды. Когда теперь появится корабль?

Сегодня был помывочный день и колонисты по од-ному собирались в бане у Кролика. Прямо за воротами на его дворе они чуть не наступали на расчлененную Настю, и, обходя стороной, искоса бросали на нее испуганные взгляды. Колонисты сидели в предбаннике в простынях за уставленным холостяцким набором столом: колбаса, сыр, батон черного хлеба, чай. За стенкой прослушива-лась понятная всем возня животных.

Последним прибыл Слон... на парашюте. Он попал прямиком в загон к свиньям.

– У тебя, как у кулака-мироода, – нарушил молчание Корова. – Петухи топчут кур, мычат неудовлетворенные коровы, блеют овцы, лают собаки.

Кролик зло и тщательно скрипел вилок о пустую тарелку.

Товарищи не притрагивались к пище, смотрели Кролику в рот и слушали его внимательно.

– В последнее время меня донимает образ женщины. Я ловлю себя на мысли, как легко, к своему удивлению, можно его вызвать! Вот она раздевается, танцует, подхо-дит всё ближе и ближе... всё больше, дальше и глубже разжигая во мне воображение, постепенно разоружая меня всего, превращая в ничтожество...

– И не говори – у нас те же видения, – вздохнули мужики.

Кролик продолжал:

– И это оказывается вновь и вновь Настя.

– И не говори – у нас тоже Настя.

Носорог тоже признался:

– От этих эротических фантомов мои легкие горят, словно я дышу пламенем от раздуваемого мехами кисло-рода, а с левого по правый бок режет так, будто я прошит насквозь раскаленным до бела шампуром.

– И не говори – нас тоже корежит всех до основания.

Кролик попытался дать объяснение явлению:

– Да, вреда от видений много, а практической пользы вообще никакой, так как подобный самогипноз превра-щается в самоистязание и сдвигает психику в ненор-мальную область – в эскапизм¹.

– А я откидываю мысли о женщинах, – заговорил Паук, – заглушаю боль интенсивной работой, или просто лежу в тени и страдаю. Бывает – что помогает.

И услышал в ответ:

– И не говори – мы тоже всё что можно перепробо-вали на себе.

Вмешался со своим мнением Корова.

¹ Эскапизм – бегство от действительности

– Вызвать фантом легко, а вот избавиться от него невозможно.

Кролик признался еще в одной напасти:

– Ко всем бедам вместе с Настей ко мне всё чаще приходят во сне девушки. Что снится курице? Просо. А что одинокому мужику в расцвете сил и возможностей? Девушки.

– Знают прекрасно, что во сне мужчину можно взять голыми руками.

– Они посещают меня по одной и целыми гаремами...

– И не говори – у нас тоже обивают пороги гаремы.

Коала закатила глаза.

– А Настя сексуально хороводит ими и сутенерствует.

– Как ты догадался? – удивился Кролик. – Но количество не переходит в качество.

– И не говори – да и как иначе вдали от женщин?

А Носорог произнес историческую фразу, которая витала в воздухе:

– Теперь наш долг отдать последние почести Насте.

Холм в поле выростал медленно. Мужики встали возле него с опущенными и неприкрытыми головами.

Кролик встал на подножье.

– Наша малая планета понесла невосполнимую утрату, – начал говорить он твердым голосом. – Не стало биться сердце милого и обаятельного, нежного и трогательного существа с аметистовыми глазами. Неистребимая страсть к жизни и стремление к правде вырвала из наших рядов самого стойкого, самого негибачего, самого идейного бойца. Легкость и непринужденность, веселый нрав и природный вкус к приключениям снискали Насте большой авторитет среди нас. Она хорошо знала сельское хозяйство. Знала, как растут деревья и растения. И сорняки понимали, что пощады им от нее не будет. Настя показала образцы самоотверженного труда и избавила нас от рутины. Она пела, играла на скрипке, сочиняла стихи. У нее были сильные, мозолистые, проворные руки, которые сбивала в кровь... Настя, твоя пролитая кровь будет не напрасной, да упокоится твоя душа миром.

Кролик, не в силах сдержать слезы, зарыдал на плече Носорога.

Коала продолжил:

– А как славно, как живых женщин в критические дни, нашу Настю раз в месяц корежили магнитные возмущения, и она становилась несносной и капризной, тем не менее, от которых она быстро оправлялась. Последние минуты перед смертью открыли нам глаза, что она может мило пошебетать, поболтать и послетничать, пошутить и посмеяться, поглумиться над чьей-нибудь глупостью и поиздеваться над высокомерием. Ее ирония была направленной и не знала пощады. Своими склоками она нас чуть было не перессорила между собой... Стоял вопрос – или она персона нон-грата, что в наших условиях неприемлемо, или лишение ее существования. Так как по нашим законам она никто, само собой произошел суд Линча...

У Паука медленно поползли вверх брови. Фермеры с удивлением переглянулись. Слоны мягко обняли Коалу, заткнули ему рот рукой и продолжили панихиду дальше:

– Настя была для нас примером глубокого служения малой родине. Все ее мысли, все ее помыслы были направлены на то, как сделать нашу жизнь лучше, краше и насыщенной. Она боролась с местными жестокими нравами, не щадя своего здоровья. Но когда-то и последним силам приходит конец. Почтим память Насти залпом из всех видов оружия.

Носорог, как настоящий ковбой, продемонстрировал свои скорострельные качества из ружья, потом из револьверов. Остальные фермеры поразили мишень на дереве ловкими бросаниями ножей и топоров.

Корова ударил кулаком о дно бутылки, выбив пробку, и разлил самогон по стопкам.

У подножья холма осталась стоять полная стопка, накрытая кусочком хлеба с зубчиками чеснока. Включив клаксоны, кавалькада из джипов двинулась к городку.

Кролик в длинном рубище, похожий на Иисуса Христа, с поселенцами отмечал праздник Урожая, когда на фоне предзвездного звездного неба различил серебристый силуэт космического корабля.

“Это Болдин выполняет данное нам слово!” – радостно подумал он.

Музыка со стороны других резиденций играла громко и весело, как и вечером. Он поспешил разбудить тяжелых от выпивки товарищей, но все уже встали и, взявшись за руки, танцевали чардаш. Затем, положив руки на плечи друг другу, они перешли на сиртаки.

На Корове был надет белый кирасирский китель, Слоны страшно важничали в красной с синими полосами жокейской куртке, но вместо бейсболки спяну притормаживал на голове шапку-ушанку с оттопыренным ухом. Паук щеголял в ярко-зеленом гусарском мундире, а Коала с гордостью демонстрировал старинный пробковый шлем времен англо-бурской войны. Носорог выступал сегодня в гражданском костюме при галстуке.

– Немедленно отставить торжества, предполагающие еще выпивку! – приказал Кролик.

Все разом посмотрели на небо.

Мужики наперегонки на джипах прибыли на площадку.

– То обвешают, то обсчитают, то подкинут неходовой товар. Не дать себя обмануть, – предупредил Кролик, пока корабль снижался.

– Но мы им в прошлый раз ясно дали понять, что от них требуется, – успокоил Паук.

Корабль не вписался в посадочные флажки, подмяв под себя забор Слона, перевернув джипы и вызвав новые пожары.

Кролик не двигался с места.

– Подойдем ближе, хотя бы поглядим, что они предлагают, – потащил его за руку Паук.

– Это совсем другие коммерсанты! – вскрикнул Слоны, не находя в иллюминаторах знакомые лица и знакомой куклы. – И желтый цвет корабля совсем мне не нравится.

Паук согласился:

– Вряд ли эти лучше прежних. Привезут всякую дребедень, опять удобрения, сельскохозяйственный инвентарь...

Корова ваволновался.

– А как же наша заява?

Впереди выступал мужчина в походном костюме. Коала и Корова переглянулись между собой. От вида длинных волос в нем явно проступали запомнившиеся всем черты женщины из далёкого прошлого. Он подошёл к опешившим мужикам и с каждым по-мужски поздоровался за руку, при этом разборчиво представлялся:

– Господин Перегудин! Господин Перегудин!

Рукопожатия были явно не мужские – это мужики поняли сразу, каждый скривив лицо от удивления при нежном прикосновении.

– Вы замужем? – спросил Коала. – То есть, вы женаты?

– Да, я не принадлежу сам себе! – сказал резко Перегудин, как бы отсекая дальнейшие расспросы и возможные несанкционированные действия.

– Порази меня Бог, если это не женщина! – шепнул Носорог Корова.

Развернутые в оперативном порядке аттракционы, оттеснили прежние и заняли всю оставшуюся площадь и близлежащие отходящие улицы, а реклама, прилепившаяся с самого краю городка, кричала о секс-шоппе со строго мужской направленностью. Все фермеры в первую очередь заспешили туда.

На гостя необыкновенные одеяния аборигенов так сильно подействовали, что он стоял на входе с широко раскрытыми глазами и улыбкой и не знал, кем больше любоваться: желтым ли человеком со шлемом, зеленым черноногим гусаром, или красно-синим жокеем: каждый из них в своем костюме был поистине великолепен! Но, чувствовалось, что это опустившийся народ, судя по тому, как они жадно обзревала товары.

Кролик мечтал встретиться с роковой женщиной.

– Боже упаси, сведи нас, но только не с суррогаткой! – страстно молился он.

Коала тоже неистово крестился.

– Черт изыди, ангел в образе женщины явись!

Но женщин нигде не увидели, по-видимому, встреча снова откладывалась на неопределенное время.

Господин Перегудин был хороший психолог.

– У вас проблемы, приятели? – напомнил он о себе.

– Хорошо что, не дай Бог, половые расстройства. У нас есть всё на любой случай жизни, чтобы вы почувствовали к ней во всей остроте вкус настоящего мужчины.

Друзья отошли на безопасное расстояние от слишком навязчивого рекламщика.

– Нет, не то, не то, – говорил Кролик Коале, прогуливаясь среди многочисленных средств предохранения и ощупывая образцы заменителей женщин, при этом стыдливо отводил глаза. – Сплошные эрзац заменители, бесполезные в нашем уважаемом крестьянском труде.

Тот поддакивал:

– Уж лучше коза. Выбор хоть и богат, но мало что дает для души, для тела, для отдохновения. А надо настоящую женщину – согласен даже на фурию.

– Я тоже. У-у! – Кролик отозвался колючим взглядом. – На нее у меня давно прорезался зуб.

Но подмигивания и распростертые руки продавца господина Перегудина, возникающие перед ними на каждом шагу, говорили о многом.

– Господа, не отвлекайтесь на мелочи, а сразу приступайте к делу!

Из общего ознакомительного раздела Кролик уединился в другой сугубо специфический “Транссексуализм – это современная реальность!”, свидетельствующий о последнем состоянии медицины в области оногo.

– Порой мне становится так жалко себя и наших мужиков, хоть самому становись бабой для них, – откровенно посетовал он Перегудину.

Этот прямо крик души произвел на того деловое впечатление, словно он сам вошел в положение посетителя, осознав, что ситуация знакома не понаслышке. Он запустил демонстрационный фильм, в котором население было непонятно какого пола. Навостренный глаз Кролика это сразу подметил. Но люди жили естественной жизнью и не обращали на этот казус никакого внимания. Пошел рекламный ролик. Врач держал чулок за края, куда запускается нога, и объяснял, что такое транссексуализм:

– У меня в руках чулок. Заглянем в его таинственную внутрень. В таком виде он олицетворяет бездну, то есть, женскую сущность. Затем я выворачиваю его наизнанку на руку, и он превращается в вершину, в олицетворение мужской сущности...

Перегудин тут же прокомментировал эту часть:

– Бездна всегда пытается поглотить вершину, а вершина всегда стремится занять пустоту бездны.

Перегудин осторожно оглянулся по сторонам.

– В принципе, – он нашел глаза Кролика, – человеку всё равно быть какого пола, лишь бы активно заниматься половой жизнью. Ты занимаешься ею, ты удовлетворяешь свои физиологические потребности, когда, если разобратся, вокруг тебя томящиеся таким же недугом сексуальные партнеры? Вижу, что – нет. Среди нас есть замечательный доктор, как никто понимающий человеческую природу, ибо в медицине он бог. Энная часть урожая нам и ты транссексуал. По рукам?

Кролик не ответил сразу, и вообще не ответил. Для этого ему пришлось покрыться краской.

– А ты прикинь в уме аргументы, – доброжелательно располагал к себе Перегудин, – положи на весы с одной стороны свое настоящее не лучшее психическое состояние, готовое выйти из-под контроля из-за сексуальной озабоченности, с другой – тот будущий эффект от операции, меняющей половую ориентацию.

– Выигрыш налицо, – выдал из себя Кролик. – Но я хочу быть с товарищами за одно.

– Быть профсоюзным деятелем здесь неуместно! – накинулся Перегудин. – Да и как ты представляешь себе, если вы все будете женщинами?

– Это правда. Опять останемся горемыками.

– В общем, упускаешь уникальный случай! Мужчины очень быстро деградируют в космосе, а присутствие женщины их нравственно облагораживает. Ты невольно подтянешь товарищей, да и сам получишь много удовольствия.

Кролик тупо мараковал, а господин Перегудин между тем приводил убийственные резоны:

– Нет мужины, который равнодушен к женщине. Ты будешь крутая девушка на просторах вселенной без должной конкуренции – пальчики облизнешь!

Кролик мучился, что плохо представляет, о чем таком конкретном идет речь, о какой такой крутой девушке.

– Нет. – Глаза Кролика заволочла белесая рябь.

Перегудин не уступал в доводах ни пяди.

– Мужчине часто приходится приносить в жертву самое лучшее и дорогое, чем природа изначально одарила его. Если надо, значит – надо пойти на уступку ей. Лучше это сделать без комплексов и сразу.

Требовалось решение, не сходя с места, а Кролик еще больше растерялся оттого, что разучился быстро считать варианты в такой ответственный момент.

– Нет.

– Не девушка, а конфетка! Роковая женщина! Сатана во плоти! Даже больше – ангел во грехе! Твои товарищи будут за неделю записываться в очередь пообщаться с тобой. Тебя будут раздирать на части. Ты будешь разрываться между ними – на кого из них запасть и на ком остановить выбор. Да здравствует сексуальная революция! Да здравствует новая порно-звезда!

Кролику очень хотелось сознаться, что он вообще-то не против, и всё же сказал твердое:

– Нет.

Господин Перегудин задышал в самое ухо.

– Не дрейфь! Мужик ты или не мужик? Ну что, нет проблем!? Пластическая операция, и ты, Кролик, первый парень на деревне!

Кролик поморщился от последних слов, а Перегудин тут же перестроился.

– Конечно, будешь Мисс Вселенная, Мисс Галактика, Мисс Космос. Да что там говорить, Королева Астероида.

Это был последний решающий аргумент.

– А что – звучит! Королева астероида? Не так уж плохо! Даже очень мило! – неожиданно дал согласие Кролик, когда от него Перегудин уже не ожидал такое услышать.

– Вижу! – воскликнул он. – Ты настоящий мужчина – победило ущемленное самолюбие и добавило огня благородия. Ай да, молодец!

Вечером, словно крадучись, пришли врач с ассистентом, вкатили гинекологическое кресло, разложили инструментарий. Кролика накрыли простыней, оставив открытыми голые ноги. Включился мощный светильник.

Кролик открыл глаза. “Как долго я спал?” – подумал он. Он ногами нащупал тапочки, встал и стал искать свои холщовые штаны. В комнате на спинке стула висели откуда-то взявшиеся черные колготки, бюстгальтер с синей бахромой, похожим на бабочку махаон, узкие прозрачные трусики и короткая юбка. В шкафу он обнаружил целый гардероб женской одежды, шляп и обуви.

– Вот дьяволы эти торгаши. Опять подшутили! – возмутился он. – То обирают, как липку, то глумятся над поселенцами. Им – что, отмочили скандал, поразвлеклись и улетели, а нам – отдуваться.

Кролик вспомнил весь разговор с Перегудиним, приход врача, приготовления к операции. Он подошел к

зеркалу. Изображение женщины с чересчур короткими волосами и непропорционально с телом большими грудями сначала не вызвало восторга – врач почему-то сделал акцент на эту часть тела, – но потом залюбовался собой.

– Господин Перегудин слов на ветер не бросает, да и вот он на столе – сертификат качества на медицинскую услугу.

Кролик стал перебирать женские аксессуары, примерять, пытаясь понять их назначение.

– Я, Кролик, – замурлыкал он, – и впрямь теперь сексуальный объект, первый парень на деревне, то бишь, девушка!

Это было важнее всего.

Всё же он по старой привычке натянул на себя прежние штаны и рубаху навыпуск.

Кролик торопливо написал записку: “Меня нет дома. Выхожу замуж” и прилепил ее снаружи на дверь. Затем вспомнив, что он и в самом деле собирается замуж, вернулся, чтобы приготовить приданное: матрац, одеяло, подушки. Связал всё в узел, взвалил его на плечи. Опять что-то вспомнив, он вернулся, сбросил узел, поставил в ряд фотографии друзей и всмотрелся. Шансы их были одинаковы. Тогда Кролик перед закрытыми глазами начал сводить пальцы. В одном случае они сошлись. Он посмотрел – фотография тщедушного Коровы. Кролик в противоречивых чувствах смешал все фото в одну кучу и сбросил со стола.

Кролик с узлом пробирался на центральную площадь. Со стороны к нему приближалась тоже с большим узлом незнакомая девица – длинные светлые волосы искусной рукой визажиста были взлохмачены в золотой сноп, голубые глаза томно прикрыты лиловыми веками, голова слегка откинута назад, на привлекательном лице застыло выражение явного превосходства. Она не стеснялась идти под солнцем в откровенно эмансипированном костюмчике одалиски. Густо накрашенные, полураскрытые губы девушки приблизились к губам Кролика и неожиданно смачно чмокнули его, а руки нежно обвили за шею.

– Мужик! Ты весь в пудре и пахнешь духами! Сделал маникюр, педикюр, маску на лицо. Почему не знаю? У меня есть друг Кролик, похожий на тебя одеждой. Он верх мужества и чудо силы воли. И остальные друзья тоже не моральные уроды. За кого бы из них выйти замуж, посоветуй? Может за тебя?

Кролик присмотрелся. В девушке было нечто знакомое.

– Боже, светло-рыжие, патлатые волосы?! – вскричал он.

Внезапно лицо девицы исказилось гримасой отвращения.

– Мужик, у тебя ненормальная грудь! Как у женщины! Я наткнулась на рельефно выпуклое, колкое и упругое на твоей груди.

И каждый удивился:

– Это ты, Слон?

– Это ты, Кролик?

Кролик и Слон вышли на центральную площадь городка. Еще издали они заметили цветастые платья и косынки на плечах и головах. Подойдя ближе, им представилась поистине буколическая картина в весеннем

наполнении с четырьмя Венерами из творчества Боттичелли. Одна из них в ажурном платье с венком на голове восседала на лошади, другая подошла к лошади в яблоках, принадлежащей Носорогу, лихо подпрыгнула и оказалась на ней, как заправский жокей.

– Стремена! Без всяких стремян взлетела на кобылу!
– крикнул Слон.

Кролик в бессилии охнул:

– Так может только Носорог!

И Кролик...

У Кролика был такой потерянный, разнесчастный, убитый вид, словно его... ее... сзади стукнули кирпичом. Мысли уплывали в сторону, и он... она... возненавидел... возненавидела... себя... лютой ненавистью.

По голым полям бродил ветер, завиваясь в маленькие смерчи.

Работа валилась из рук.

Поселенки на геликоптерах одна за другой совершили посадку на бывшем кукурузном поле. Сжимая от возмущения кулаки, они сошлись у ветрогенератора.

– Черно всё вокруг, – последовало сообщение от Кролика. – На полях опустошение, словно Мамай тучей прошел. На город надвигается эрозия почвы. Ни бляенье, ни мычание, ни хрюканье, милое слуху, не наполняют, как прежде, просторы.

Тем не менее, раздалась оптимистические реплики:

– Жить надо дальше!

– Несмотря ни на что!

Корове не терпелось сбить накал страстей.

– Я, вот, на днях пошел корову доить... – начала она рассказывать.

– Ты пошла... – поправила Носорог.

Корова продолжала:

– Начал доить, и вот...

Носорог снова поправила:

– Начала доить...

– Ты меня просто задолбал, дятел! – взъерошилась Корова.

– Не задолбал, а задолбала! Не дятел, а дятла!

– Не дятла, а дятлиха!

Подруги решили образумить Корову и Носорога.

– Что вы, бабоньки, как кумушки, сцепились?

– Превратились в каркающих ворон.

– Заквохтали, как курицы! Забрехали, как шавки!

– Мы же женщины, а не мужчины, наконец!

– Как базарные бабы сошлись на ярмарке в лобном месте, тошно слушать!

– А если мужчины увидят, как мы глотки рвем в базарный день, что тогда? – спросила Кролик.

– Никто нас замуж не возьмет! – ответила Носорог.

– Давайте беречь друг друга. Нас воспитанных женщин мало. А их, хамок, за пределами астероида, всегда много. Так давайте хотя бы между собой не ссориться.

– За работу! Теперь мы мужИчки – ударение на второй слог, а не мужИчки – ударение на третий, – сказала Паук.

– Жизнь продолжается, господа сеньориты! – завершила перепалку Корова. – Что у нас сегодня?

Слон первая начала раздеваться.

– Единоборства по субботам. Тренировки тренировок – никто их не отменял.

Поселенки сняли с себя одежду, разбились на пары и стали отрабатывать атаку и защиту в боях без правил, мутузя себя без всякой поблажки на слабый пол.

Мирная жизнь продолжалась. Астероид снова преобразился, приобрел черты благополучия, позолотились нивы. Среди колышущегося моря злаков всегда виднелись косынки ударно работающих поселенков.

На их глазах прочертил след космический корабль. Он снова не вписался в посадочные флажки, на этот раз подмяв под себя забор Коалы, а ее джип взорвался факелом.

Корабль желтого цвета – Перегудина. Он ступил на землю и сразу обратился к поселенкам, как к старым знакомым.

– Узнаёте, дамочки-шельмочки? Я – Господин Перегудин! Господин Перегудин – я! Вижу, снова преуспели в сельском хозяйстве?

– Мы вас ждем – не дождемся, – ответствовали женщины.

– Что так? Уж замуж невтерпёж? – спросил он.

– Мы готовы всё вам простить, только верните нам мужской пол... и мужское достоинство.

– Коммерция – есть коммерция! От нее накладка вышла. Как в любом хорошем деле. Никто не предполагал, что вы все одновременно изъявите желание, пройдете успешно операцию и станете девушками. Теория вероятности сыграла с вами злую шутку.

– Мы не хотим продолжать быть девушками!

– Разве это плохо? Сразу подумали, что это кошмар? Вы еще не схлестнулись с алчущими вас мужчинами в тяжелом, с переменным успехом бою. В вас не проснулась еще настоящая женщина...

– Кошмар не кошмар, верните наш родной пол!

– Я хочу озвучить приятную и неприятную новости. С какой начать?

– Ни с какой!

– Хорошая новость в том, узнав которую вы забудете о неприятной новости и прежних проблемах, и возвращение вам пола отойдет на второй план.

– И слушать не хотим!

– Учите, наука ушла далеко вперед! А вы, как были мужИчками – теперь ударение на второй слог – так ими и останетесь.

– Нет.

– Вас еще не тронул современный технический прогресс, невероятный уровень науки. Вы отстали безвозвратно и бесповоротно.

– Нет.

– Появилась новая услуга. Двойной пол. Мужчина и женщина в одном теле – попеременно. По графику. По желанию. По взаимной переуступке. По требованию. Каково?

– Нам ничего не нужно.

– Разве плохо иметь, например, двойное гражданство?

– Оставьте его себе!

– Бабы вы или тряпки? Разве плохо, если сегодня ты мужчина, а завтра женщина?

– А браки заключать можно?

– Институт брака никто еще не отменял.

– А вы сами – кто?
 Перегудин с гордостью вздернул головой.
 – Я не он, не она, и даже не оно!
 Женщины кинули уважительные взгляды и причмокнули от удовольствия губами, а Кролик кивнула Слону.
 – А что, неплохо, месяц я девушка, а ты – парень! Потом наоборот. Оттянемся по полной программе!
 Слон тут же ответила согласием:
 – Ух ты! Точно! Ты родишь мне! А я тебе! Делаю тебе серьезное предложение в отношении совместного проживания.
 Носорог обратилась к Перегудину:
 – Давай неприятную новость.
 – Все уже забыли, что такое изменить пол, – важно сообщил тот.
 Корова уже держала Носорога за руку.
 – Позажигаем?
 Коала шептала Пауку:
 – Оторвемся на славу!
 Перегудин поднял ладонь, чтобы унять женщин.
 – У вас регулярно по графику будет происходить половая ротация-перетурбация. Выгоды вы ощутите уже на следующий день.
 Женщины всегда остаются женщинами, они воскликнули:
 – Нам выгоды нужны сегодня!
 Спокойствие не оставляло Перегудина и он остудил их волнение.
 – Вы посмотрите на себя критически непредвзятым взглядом. Кругом кипит жизнь. Общество меняется на глазах. А некоторые отдельные молодые люди среди вас, так называемые, махровые ретроградки – не будем показывать пальцем кто – мешают основной массе сказать “да”...
 – Среди нас нет ретроградов! – парировали ему.
 – Вы пуритане?
 – Нет.
 – Вы ханжи?
 – Нет.
 – Вы мальтузианки?
 – Нет.
 – Вы фрейдистки?
 – Нет.
 – Вы натуралки?
 – Да.
 – Вы пробудите в себе огнедышащие вулканы, вызовете в себе цунами, по вам толчками пройдут землетрясения силой в девять баллов. Я еще не уточняю, скромно умалчиваю, что такое шаровая молния и с чем ее едят. Часть из вас выйдет замуж, часть поженятся. Тотчас беременными друг друга сделаете. Кайф! Рекомендую завести двуспальные кровати. И по рукам.
 Женщины тут же признались:
 – У нас уже приготовлены двуспальные кровати.
 – Вам известно, что постель не то место, где идет борьба умов?
 – Мы знаем!
 – Ну, тогда, женщины, за дело и по рукам? – сказал Перегудин
 – По рукам! И за дело! – согласились они.

– Тогда извольте в операционную.
 Операционная встретила всех белыми стенами и стерильностью, гинекологическими креслами и яркими потолочными светильниками. Ассистент тут же продемонстрировал возможности гинекологического кресла на манекене, затем он измерил рост женщин и индивидуально подогнал под каждую положение.
 Ассистент между тем комментировал:
 – Само собой разумеется, самое величайшее изобретение всех времен и народов – гинекологическое кресло!
 Врач добавил:
 – Мужчина придумал и создал гинекологию как науку и индустрию. Он сделал гинекологию искусством. Мужчина любит женщину, поэтому начертил и построил кресло, в котором комфортно чувствует себя только она. Воздадим честь и хвалу мудрейшему из мудрейших, великому из великих – его безымянному изобретателю!
 Женщины в креслах под простынями скромно и в разноречивой произнесли:
 – Гип-гип, ура!
 Врач не заметил должного энтузиазма.
 – Слава! – настойчиво гаркнул он.
 – Слава! – выдохнули за ним поселенки.
 Перегудин накинул края простынь на их лица.
 – Не поминайте нас лихом, поселянты!
 Последних слов они не слышали – эффективно сработал наркоз.
 На полях снова гулял разор. Ни бляенья, ни хрюканья, ни мычания. Снова работа валилась из рук. Поселянты, сжимая от возмущения кулаки, слетелись на вертолетах к озеру. Было жарко. Все вытирали пот. Первое бранное слово было за Коровай:
 – Ставлю вопрос о недоверии к господину Перегудину.
 – Кто первый выскажется? – раздался сильный голос из Носорога.
 У Кролика было самое неподходящее настроение.
 – Почему, как только я превращаюсь в девушку, вы все объявляете мне бойкот? Как только в парня – тоже?
 – На данный момент ты кто? – На лице Паука появился сексуальный интерес.
 – Разве не знаете – вчера еще был мужчина...
 – Мы – тоже...
 – А ты объявляешь бойкот нам, – выразил недовольство Кролику Слон.
 – У меня это произвольно получается. Помимо воли. Строго по графику.
 – У нас тоже организмы настроены на него.
 – Да, Перегудин говорил о графике. Мы полагали, лучше ничего не придумаешь, честный, подходящий, удовлетворяющий всех нас. На деле график оказался с изъяном.
 – Перегудин не соизволил дальше своего носа заглядывать.
 – У, формалист проклятый!
 – А мы не проконтролировали.
 – А как... это... контролировать под наркозом? – спросил Носорог. – Мы одновременно легли под нож.
 Паука совсем разморила жара.
 – Достаточно о проблемах, – взмолился он. – Сегодня палящее солнце, объявляется купание. Раздеваемся и бултых в воду.

Всем тоже было жарко, но никто не тронулся с места.

Коала удивился:

– Так чего мы ждем, чего боимся?

– Начинай, а мы посмотрим и присоединимся, – предложил Корова.

– Нет, уж, извините! Лучше вы! – Коала в смущении направился к вертолету.

Вечерняя явка в сельский клуб была обеспечена сто-процентной.

Открылся занавес, на сцене стояла капелла поселян-тов, пробующих голоса.

Носорог начал конференс с анекдота:

– Журналисты Петров и Сидорова пришли на международный съезд транссексуалов. “Девушка! Вы будете женщина или мужчина?” – спросил Петров транссексуалку и включил диктофон. “Прежде, чем задавать такие вопросы, разберитесь со своим полом! И вообще, здесь не задают само собой разумеющихся вопросов!” – последовал ответ. “Мужчина! Вы будете мужчина или женщина?” – спросила Сидорова транссексуала и включила диктофон. “Мужчина! Будьте бдительны! – транссексуал таинственно зашептал в ухо. – Здесь можно нарваться на трижды изменивших пол”. В конце съезда объявили, что в номинации женщин победил Петров, а в номинации мужчин – Сидорова.

Анекдот был свежее некуда и вызвал настоящий смех сквозь слезы у поселян-тов.

Их истерика продолжалась, и Носорог объявил:

– Опера о горькой судьбе “лишнего человека”, не вписывающегося в привычные рамки обычного общества и которого все гонят от себя прочь. Исполняет капелла поселян-тов!

Он взмахнул палочкой, и они на голоса запели высоко и низко, речитативами, в разбивку и вперемежку.

– Перегудин, Перегудин! Эх-хе-хе!

– Настя, Настя! Ух-ху-ху!

– Болдин, Болдин! Ох-хо-хо!

– Перегудин, Перегудин! О-го-го!

– Настя, Настя! Ой-е-е!

– Болдин, Болдин! Ай-я-яй!

Зал отзывался хорошей акустикой, но, за неимением зрителей, не встретил артистов аплодисментами.

Кролик вдохнул запах свежескопанной земли, доносившийся с соседнего поля, а конкретно Коалы, и принялся за свой надел. На минутку он позволил ветру обдуть себя и успокоить нервы. Но это не помогло. Кролик решил по жаре омыть свое обливающееся потом тело. Никто не видел, как он осторожно покинул рабочее место и в высокой траве пробрался к озеру искупаться. Выскочив на открытое пространство, он нарвался на хохот товарищей, точно также оказавшихся на берегу.

– Опять полный кворум у озера, как в прошлый раз? – как ни в чем ни бывало, сказал Кролик. – Очень кстати. Поговорим о свободных нравах. Предыдущий показательный пример ложной скромности выявил все гримасы нашего общества. Яркое доказательство, что у нас оно закрытое.

Носорог выкрикнул:

– Если такой смелый, на данный момент честно признайся – ты кто?

– Кролик, – ответил Кролик.

– Знаем. А по полу?

В глазах Кролика отразился мгновенный испуг, он спохватился и прощупал себя сверху вниз.

– Сегодня какое число? Не уверен, но кажется... – Глубокое разочарование было написано на его лице.

– Значит, мы – тоже... – У всех к головам одновременно прилила кровь.

Коала первым взял себя в руки.

– Против любой закрытости всегда выступала наша незабвенная Настя, – заметил он.

Фермеры загалдели:

– Ее отличала самая милая улыбка на свете, но ирония у нее на эту тему была всегда беспощадна. Она говорила Кролику, что он самый красивый. Значит, она видела его в чем мать родила и вынесла о нем положительное впечатление.

– Она предвидела кризис наших отношений.

– Она не тормозила технический прогресс.

– Она поддерживала здоровый психологический климат в нашем коллективе.

– Настя знаковая фигура в истории астероида. Она достойна памятника себе!

Коале понравилась последняя мысль.

– Правильно! – перекричал он всех. – Мы обязаны поставить памятник, и не столько ей, сколько нашей несусветной глупости.

– На том и порешим, – сказал Кролик. – А теперь всем без исключения купаться!

Носорог равнодушно зевнул.

– Раздевайся и ныряй, а я после тебя сразу.

– Только после вас! – галантно сделал книксен Кролик.

– Нет, мы после вас!

Кролик и Носорог увлеченно продолжали расшаркиваться друг перед другом.

Наконец, Кролик возмутился:

– Почему опять я первый?

Он скрылся в высокой траве, и все вслед за ним в разные стороны.

Тем не менее поселян-ты с не меньшим усердием продолжали трудиться на полях и лугах. Их усилия воплотились в реальные показатели: сенаж, удои, шерсть, кругом золотились восстановленные тучные нивы. Поселян-ты перенесли песни о тяжелой крестьянской доле и трудовом энтузиазме с подмостков театра в поля и пели их там непринужденно, легко и самозабвенно.

Сегодня был объявлен короткий рабочий день. На площади под полотном стоял готовый к открытию памятник.

Носорог подошел к натянутой ленточке и произнес:

– Мы отдаем дань уважения не совсем однозначной, но колоритной фигуре, которая отложила на наши темные умы свой светлый отпечаток.

Он перерезал ленточку. Сбросилось полотно. Перед взором присутствующих предстала, как живая, играющая на скрипке Настя.

Ночью Кролик решил пробраться к памятнику Насте, чтобы возложить букет роз, и заметил тени поселян-тов. Слоны тоже были с букетом роз.

– Что, не спится? – спросил он.

– Не спится... – ответил Кролик.

– Не спится... – ответили остальные.

Глазастый Кролик и на этот раз первый заметил дымчатый след космического корабля. Штурман на нем был явно никудашный и корабль снова не вписался в посадочные флажки, на сей раз подмяв под собой забор Коровы. И снова электрические искры и всполохи мелких пожаров заплясали по городку. Корабль был желтого цвета – опять Перегудина. Он вышел и сразу оценил обстановку.

– Узнаёте меня, черти – трансвеститы и прочие гермафродиты? Я – господин Перегудин! Господин Перегудин – я

Поселянты с радостью встретили его.

– Как же! Вот вы то нам и нужны.

– Не знаю, как вас технически грамотно звать-величать по признаку пола?

– МужЕнки мы. Ударение на второй слог. А, впрочем, не знаем, мы не специалисты по части ориентации полов, об этом нигде не сказано.

– Очень рад, муженки! По признаку пола вы сравнились со многими сильными мира сего! Но надо смело смотреть в будущее, широко идти дальше семимильными шагами, нельзя останавливаться на полпути!

– Нам, господин Перегудин, чем такой, не надо никакого пола!

– Лучше никакого, чем такой? Я правильно понимаю существо проблемы?

– Правильно.

– И какой вы хотите, если не секрет?

– Мы хотим такой, как у вас.

– Ну что ж. Вы были по гражданскому статусу и физиологическим признакам поселенцами, потом поселенками, далее поселянтами. А теперь будете поселянцами.

– Мы согласны.

– Желание заказчика – закон!

– А что – можно?

– В век полетов в космос всё возможно!

– Тогда – вперед!

Все толпой двинулись в операционную.

Светильники только и ждали момента включиться, а врач не отвлекался от сложных приготовлений...

Фермеры в больничных халатах расселись на кушетках и стали наблюдать, как ассистент приводил в должное положение гинекологические кресла под размер крупных женщин, а когда инструктировал, при этом сам ложился и демонстрировал удобные позы покойника, гребца, йога и т.п., что подсказывала ему буйная фантазия и что увлекало народ.

Дальнейшее фермеры помнили плохо...

Как выползшие из нор сомнамбулы, поселянцы бродили по полям и проваливались в буераки. Небо было ознаменовано свинцово-сумрачным оттенком от опустошенной до эрозии почвы.

Картина являла собой неприглядность. Братся надо было за восстановление разрушенного хозяйства капитально, но за что конкретно, никто не мог взять в толк.

В таких случаях нет ничего лучше бани, снимающей все стрессы. Фермеры проходили ворота Кролика с мистической опаской, по старой привычке искоса бросая

взгляды на то место, где когда-то лежала расчлененная Настя.

Собрались дружно. Кролик постарался на славу, и все в предбаннике, не раздеваясь, уселись за уставленным богато столом: жареные куры, салаты, вино, торт.

Кролик весело стукнул по чашке вилок, приглашая к закуске.

Товарищи тут же набросились на еду.

Кролик поднял рюмку.

– Ну, будем!

Носорог выплеснул в горло содержимое и крикнул от удовольствия.

– Всё путем. Живы будем – не помрем! Меня, между прочим, лягнула лошадь... промеж ног. И ничего! В другое время вынесли бы ногами вперед. А тут кость оказалась крепче копыта...

– Скажи спасибо Перегудину, – отозвался Коала.

Слон предложил:

– Внесем в правила боев без правил строчку: “Разрешается бить между ног и кусать это место”.

– Принято! – подытожил Носорог.

Корова тоскливо произнес:

– Кролик, за стенкой петухи не топчут кур, не мычат коровы, не лают собаки. Какой же ты кулак-мирод?

Все прислушались. И правда – возни не было, стояла необычная тишина.

– Лучше твоей бани ни у кого нет, – нарушил молчание Носорог.

Паук небрежно бросил Кролику:

– Как видишь, пришли помыться, попариться.

Слон добавил:

– Душу отвести, снять нагрузку.

Кролик засуетился:

– Так раздевайтесь и мойтесь. Сегодня отменный пар.

Коала заколебался.

– Что-то мне не хочется.

Носорог тоже отмежевался:

– И мне.

Корова засобирался в дорогу.

– Я лучше в другой раз.

Кролик решил прояснить ситуацию, вызвав товарищей на широкий диспут.

– В последнее время, – начал он говорить размеренно, – меня, как и вас, донимают наши общие вопросы: как не стыдиться самих себя, как воспринимать себя такими, какие мы есть, чтобы не впадать в депрессию...

Он обнаружил, что из гостей никого не осталось.

“А как же баня?” – подумал он.

Через несколько дней визг тормозов джипов у секвой забил уши. Поселянцы сжимали от возмущения кулаки с вздутыми кровеносными сосудами. Желваки гуляли у каждого по скулам.

Кролик взобрался на памятник Насте.

– Народное возмущение растёт медленно, но когда оно начинает переливаться через край и превращаться в нет ничего страшнее бунта.

– Что так? – выкрикнул Слон. – Выражай мнение ясней!

Кролик оглядел товарищей.

– Скажите, вы... хорошо себя чувствуете?

– А что, мы похожи на больных? – Носорог вступил с ним в перепалку.

– Да. То есть, нет! То есть, хочу сказать...

Паук не понял.

– Говори разборчивей, – попросил он.

Следующее высказывание Кролика было совсем непредсказуемым:

– С некоторых пор вы все не вызываете во мне никаких добрых чувств.

Слон на эти слова сделал не менее громкое заявление.

– Как и ты во мне – сплошное разочарование.

Его поддержал Корова:

– А меня даже переполняет чувство отвращения и отторжения ко всем вам.

Остальные тоже зашумели:

– Это ненормально.

– У нас ярко выраженный эдипов комплекс с полярным сексуальным смещением.

– Как бы страх перед будущей женщиной не привел нас к конфузу!

Паук высказал самое разумное:

– Мы много вкалываем и выглядим ужасно. У нас адаптация от операции не закончилась. Надо меньше на полях натружаться.

Носорог объявил:

– Отдых – и еще раз отдых! В плане завтра авиа-шоу, а вечером распевки и танцы-манцы-обжиманцы до утра.

Парад джипов, выступивших в каре, предвосхитил начало авиа-шоу. Гимн астероида разнесся далеко, когда джипы взяли разгон и превратились в вертолеты, которые продемонстрировали групповой высший пилотаж с флагами и выходами пилотов из кабин, слушающих гимн стоя с высоко поднятыми головами и приложенными к сердцу ладонями. А уж вечером зазвучали капеллой эротические песни и начались танцы людей непонятно какого пола.

Болдин смотрел в иллюминатор и восторга от увиденного не проявил. Панорама с корабля на астероид ни о чем хорошем не говорила, тем более о существенных сдвигах. Всё осталось прежним – как в тот день последнего сюда посещения и далее стартовой лихорадки с грузом.

– Странно! Поля заросли чертополохом! – обратил он внимание девушек, напросившихся к нему в дальнюю экспедицию.

Девушки тоже были удивлены не меньше.

– Командор, никто нас не встречает!

Тормозные дюзы пронзительно взвыли. Корабль подпрыгнул, но вертикально выпрямился.

Откинулся люк корабля. Девушки высыпали на площадь. Всё словно вымерло. Ни бляенья, ни мычания, ни хрюканья.

Голоса девушек разнеслись по астероиду.

– Где? Где вы, мужики?

– Ау, мужики!

– Тю-тю, мужики, налетайте на нас, налегайте!

Девушки прочесали астероид пешком, на лошадях, на джипах, на вертолетах, но детективное расследование не привело к результату.

– Ни одной живой души! – жаловались они Болдину.

Но продолжали поиск. Громкость увеличивали рупоры?

– От нас скрыться невозможно! Амнистия! Гарантируем сохранить ваши жизни при условии семейного брака! Выходи по одному! Сдача себя на площади! Ждем пять минут!

Но и рупоры не помогали.

Девушки удивленно набросились на Болдина.

– Командор, мужиками не пахнет. Они, что, как динозавры вымерли? Где твои обещанные женихи?

– Мы опоздали... В секс-тур они подались... – ответил он.

Девушки обступили памятник Насте и оскалились на нее.

– Чего глаза бесстыжие вылупила?

– Гляньте на нее – какая вся правильная!

– Думаешь, если стоишь непоколебимо, то тебе всё сойдет с рук? Как бы не так!

– Не таких сбрасывали с пьедесталов! А поставим кого надо!

Корабль взмыл в небо.

У секвойи раздался грохот сельскохозяйственной техники. Поселянцы уж какой раз за последнее время сжимали от возмущения кулаки, на которых от слишком частых напряжений в мышцах выросли узлы.

Корова, привстав с сидения трактора, кричал:

– И Слава Богу! Скатертью дорожка!

Кролик был на комбайне, остальные тоже примчались кто на косилке, кто на сеялке, а Носорог на телеге, запряженной волами. Все перекрикивали друг друга:

– Дудки! Хотели прибрать нажитое нами добро. Вот им!

– Дудки!

– Дудки!

И эхо постаралось отозваться не меньше:

– Ду-ддд-ки!

Тем временем девушки не переставали выражать неудовольствие Болдину.

– Командор, ты отнял у нас надежды на женихов.

Девушки в последний раз окинули взглядом астероид и... увидели внизу движение. У Болдина заложило уши от радостных криков.

– Вон, они, голубчики!

– Выросли как трава после дождя!

– Как грибы из-под асфальта!

– Теперь они от нас никуда не смоются!

Болдину, нехотя, пришлось повернуть корабль назад. Девушки тут же окружили поселенцев.

– Тю-тю, мальчики, налетайте на нас, налегайте!

Те отмахивались от них, как от назойливых мух.

– Дудки вам.

– Дудки вам.

– Ничего, ничего! – ломали их волю девушки. – Мы сами неопытные девушки! Мы сами не искушены в любви! Мы согласны! Мы жаждем ваших объятий!

Болдин явился на центральную площадь во фраке. После короткой процедуры регистрации браков возле секвойи началось торжественное шествие под свадебным

маршем шести пар молодоженов, и каждая проследовала в свой особняк.

Болдин ждал два часа, в течении которых он то качал головой, то чесал затылок, то пожимал плечами, затем достал рупор.

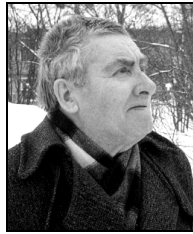
– Раз, два, три, четыре, – проверил он его громкое звучание. – Последние пять минут – и я улетаю, – предупредил он.

Терпение иссякло, Болдин скривил губы и в сердцах сделал недовольную отмашку рукой, подумав: “Природе без разницы, кто с кем живет и каким способом плодит детей”.

Он поднял корабль в небо, но на астероид ни разу не взглянул.

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Игорь Терновский

член литобъединения с 1965 г.

ТАК БЫЛО И ТАК ЕСТЬ

(из истории ухтинской литературы)

Я прибыл на постоянное жительство в Ухту где-то осенью шестьдесят второго года. Профессиональный геологоразведчик, я дезертировал с производства из кресла главного инженера экспедиции, где находился свыше пяти лет и, несмотря на молодость, получил ощутимые повреждения, прежде всего нервной системы. Оказавшись на рядовой работе в Ухте, я довольно быстро пришел в себя и вспомнил, что помимо производственных дел существует еще нечто прекрасное, чем жив человек. Так возродилось во мне стремление к литературному творчеству, которое впервые появилось еще в подростковом возрасте в московской школе. Начал я, как и многие, с примитивных стишат, а лет в семнадцать настолько почувствовал себя уверенно, что поднял руку на “Слово о полку Игореве”, которое перевел на современный язык скверным ямбом. Упражнения в стихосложении я продолжил во время пребывания в Московском геологоразведочном институте. Видимо, чего-то я достиг, поскольку мои пародии благосклонно оценили в журнале “Смена”. Однако не печатали, поскольку объектами были по тем временам крупные фигуры вроде Прокофьева и Луговского. Учитывая нравы конца 40-х годов, их лучше было не трогать...

Но до сих пор не могу понять, как меня миновало, что приехал я в Ухту по своей воле, а не был привезен. Дело в том, что по рукам я легкомысленно пустил тетрадку, в которой было нечто вроде творения Алешковского: “... товарищ Сталин, Вы большой ученый...” Правда, тетрадка предназначалась довольно узкому кругу, но стукачество было тогда весьма распространенным явлением, и я вполне мог получить за свои вирши как минимум лет десять. Очевидно, недаром наш МГРИ считался у властей крамольной организацией: Стукачей явно не хватало.

Я оклемался от производственной лихорадки и потихоньку начал пописывать кое-что поэтическое, которое в общем никому не показывал, кроме наиболее близких людей. Я не помню сейчас, кто натолкнул меня на городское литературное объединение, что произошло в шестьдесят пятом году. Но хорошо помню, что моими “восприемниками” были Борис Иванович Купчинкин, тогда председатель литобъединения, и Виктор Викторович Сахарнов, оба ныне покойные, причем Сахарнов давно — он уже и в те годы был весьма пожилым человеком. Это были люди превосходно литературно эрудированные. Б. И. Купчинкин всерьез занимался драматургией, написал на вполне профессиональном уровне полдюжины пьес, которые ставились в ухтинском Народном театре. А одна аж была принята к постановке на сыктывкарской сцене, что не состоялось по каким-то нетеатральным причинам. Что же касается В.В.Сахарнова, то было известно, что он еще в 30-е годы печатался в ленинградских детских журналах и лично знал Маршака. Короче говоря, мое начальное творчество получило положительную оценку, и вскоре я принимал участие в работе литобъединения как полноправный член. К этому времени объединению ухтинских литераторов только что миновало десять лет. У его истоков стоял известный в стране писатель Александр Рекемчук. Тогда он был малоизвестным корреспондентом республиканской газеты, но за десять лет издал несколько произведений, в том числе в московских журналах, которые к тому же были переведены на многие иностранные языки. А наиболее полное впечатление о творческом потенциале литераторов Ухты тех лет можно получить, раскрыв коллективный сборник, вышедший в 1965 году, давным-давно ставший библиографической редкостью, “В краю таежном”. Помимо Рекемчука там еще 26 ухтинских авторов.

Такова примерно была численность ухтинского городского литобъединения в те годы. С тех пор прошло более тридцати лет. Естественно, по-разному сложились литературные судьбы участников сборника, в силу ли меры способностей или жизненных обстоятельств. Конечно, вне конкурса литературная карьера Рекемчука, который даже был главным редактором Мосфильма. Стали широко известны, в том числе за пределами Ухты и Коми республики, прозаик Анатолий Знаменский, поэт и прозаик талантливый Василий Журавлев-Печорский, прозаик Борис Тарбаев, поэт Николай Володарский, детские поэты Александр Журавлев и Ирина Махонина. В качестве формального признания тот факт, что все они в свое время были приняты в Союз Писателей СССР. Согласитесь, что для небольшого города, а тогда в Ухте было порядка пятьдесят тысяч населения, это совсем немало. Но давным-давно, как сказано, “одних уж нет, а те дале-че”. Еще до выхода “В краю таежном” пределы Коми республики покинули Рекемчук, Знаменский, Махонина. Последних двух уж нет на свете, как нет Журавлева-Печорского и Володарского. Давно уже живет в Сыктывкаре Тарбаев. Из журналистов активно работали Владимир Круковский (живет в Москве) и проживающий в Ухте Анатолий Козулин. В советские времена публикация собственных произведений была тем барьером, через который многие не могли перешагнуть. Выпустить собственный сборник — это была часто неосуществимая мечта. Не из-за того ли многие литературно не состоялись? В течение многих лет у большинства ухтинских литераторов была одна возможность — родная газета “Ухта”. Да и объединение так и называлось: литературное объединение при газете “Ухта”. В связи с этим с теплотой вспоминается зам. главного редактора газеты Людмила Николаевна Бирюкова, которая в 60-е годы давала зеленый свет творчеству членов литобъединения. Можно было ежемесячно выпускать литстраницу, что вполне отвечало текущим потребностям. Но если газета без особых трудов могла размещать малоформатные поэтические произведения, то с прозой было невпример хуже. Отсюда с течением времени деятельность литобъединения приобрела несколько односторонний характер, когда поэзия занимала главенствующее положение. Правда, за последние годы положение несколько исправилось. Но главное, несомненно, то, что городское литобъединение до сих пор существует уже более сорока лет, причем жизнь его не прерывалась ни на один год. И что важно, происходит естественная смена поколений, непрерывно приходит способная молодежь. При этом эффективность работы объединения зиждется на верности изначальным традициям. Прежде всего, в серьезном отношении к литературному творчеству. Никаких по-блажек никому. Есть литература, и есть не литература. Когда-то бытовали термины “самодетельный”, “самодетельная”. К литературе это решительно неприменимо. Произведения каждого автора подвергаются коллективному обсуждению, причем “последнего слова” ему не дается. В конечном счете, он получает вполне объективную квалифицированную оценку своего творчества. Как некогда выразился Б. Тарбаев: “Писатели, может быть, мы неважные, зато уж читатели хорошие...”

То, что литобъединение не захирело, убедительно свидетельствуют данные последних лет. В области прозы высится Борис Шахов, который, несомненно, является писателем высокого класса. Он выпустил несколько значительных крупноэпических произведений, получивших признательную оценку как читателей, так и литераторов. После того, как были убраны цензурные и идеологические рогатки, заметно облегчилась публикация произведений. Ныне проблема заключается главным образом в наличии денежных средств. За последние годы вышло немало поэтических сборников. Авторы Анатолий Илларионов, Анатолий Пашнев, Геннадий Иванов, Григорий Ботвинник, Галина Сологуб, Владимир Аншуков, Ирина Кутепова, Надежда Канева. Может быть, кому-то покажется чрезмерным количеством, но я, например, считаю, что у каждого автора должно быть свободное обращение к читателям, за исключением явного графоманства. А уж читатели разберутся и дадут свою оценку. Между прочим, добротные лирики Илларионов и Пашнев приняты в Союз Писателей России, близка к этому Сологуб. Высоко оценены полномочными представителями Союза способности молодой поэтессы Светланы Широковой, которая была рекомендована к учебе в московский Литинститут. В республиканском альманахе “Белый бор”, вышедшем в 95 году, помещены произведения Илларионова и Сологуб. Все это свидетельствует о достаточно высоком качестве творчества перечисленных мною авторов. Наряду с активным средним поколением не увядают и ветераны. Еще полон энергии Александр Журавлев, который не только постоянно пишет и публикует свои произведения, но и охотно выступает в различных коллективах республики, особенно в детских. В значительной мере, благодаря в 90-е годы его усилиям и трудам председателю литобъединения, в 93 году вышел коллективный сборник 19-ти ухтинских поэтов “Отражение”. В среднем поколении следует упомянуть также Наталью Фоменко, чьи негромкие стихотворения исполнены подлинного лиризма. Несомненно, перспективным является выступивший в апреле Александр Максимов, творческий вечер которого состоялся в Доме творчества. Интересны опыты в иронической прозе Виктора Карелина. Но наиболее существенным моментом, мне кажется, есть участие и вовлечение молодежи. Помимо Светланы Широковой большие надежды вселяет занимающийся поэзией Дмитрий Безгодов. А Сергей Рулев, по-моему, уже сложившийся прозаик, со своим стилем, языком, темами. Он несомненно талантлив, и ему остается пожелать только побольше публикаций, желательно, в центральной печати. С очень ценной инициативой в конце прошлого года выступило литобъединение (председатель Павел Федорович Корюгин), организовав при себе студию “Огонек”, в которую вовлекаются школьники. Уже было около десятка занятий. Тем самым не только выявляются литературно одаренные личности, но и проводится литературная учеба.

Нет, не заглохнет литература в Ухте. Поручкой тому не умирающее и эффективно действующее городское литературное объединение.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

“ПЕСНЯ ПУТИ”

Такое лирическое название поэтического вечера выбрали его участники поэты Светлана Широкова и Павел Корюгин.

Если принять на веру тезис об общем упадке поэзии, то после этой поэтической встречи о кризисе поэзии говорить рано, ибо на сцене стройная, красивая, не преувеличивая, алмазоокая, со смоляными волосами Светлана Широкова и пребывающий в зрелом возрасте Павел Корюгин не дали усомниться, что поэзия жива, и будет жить.

Когда речь идет о поэзии, лучше спор, даже мордобитие, чем эпитафия.

Настойчиво и последовательно поэты продемонстрировали перед зрителями свое видение жизни и вознесли его на философскую высоту.

Два разных внешне поэта, но одинаковые в понимании поэзии, сумевшие сопоставить свои ощущения с их осмыслением. В то время, как все с вожделием смотрят на Запад, они обратили свой взор в творчестве на многоликий Восток, отсюда у них в поэзии и культура востока, и психология востока, и дань религиям востока.

Поэтому между поэтами нет дисгармонии, они словно дополняющие друг друга брат и сестра. Но дальше вечер стал больше походить на телевизионный “Музыкальный ринг”, принципиальный и соревновательный, где, к слову сказать, победила Светлана Широкова, как хорош не был Павел Корюгин. Светлана выиграла чисто по номинации “возможности”.

Еще недавно о талантах Светланы говорили вскользь. Одно перечисление не давало полного представления о ней.

И вот она на сцене.

Первое отделение — ее стихи и песни. Второе отделение — открытие еще одного таланта Светланы и одновременно экзотика — индийские танцы.

Итак, встреча поэзии плавно перешла в концерт, только Павел Корюгин между исполнениями музыкальных номеров своими стихами создавал лирическую мерность.

Еще раз убеждаешься, что разум не распределяется по принципу “каждой сестре по серьге”, а концентрируется в отдельно взятом человеке. Талант выбивается из привычного ряда, а универсализм позволяет быть свободным. Такое впечатление, что Светлана самая свободная девушка на свете.

Судите сами.

Она и сочинитель стихов, и композитор, и постановщик танцев, и исполнитель, и режиссер, и продюсер (вечер был платный).

Но подобная “всеядность” Светланы Широковой не вызывает подозрение в ее творческой неразберихе, тем более — неразборчивости, и ту грандиозную работу, какую она проделала на сцене, можно смело назвать словами “театр одного актера”.

Возможно, этот вечер прообраз следующих выступлений ухтинских поэтов и писателей. Как интересно было бы устроить поэтические ринги между парами, предположим, детским писателем Александром Журавлевым и поэтом Игорем Терновским, прозаиком Борисом Шаховым и поэтом Анатолием Пашневым, и далее с выходом в финал на знаменитую поэтессу Надежду Мирошниченко из Сыктывкара.

Алексей Мильков

Газета “Ухта” 11. 04. 98

БИБЛИОГРАФИЯ УХТИНСКИХ АВТОРОВ

1989

В. Федоров **“Лимит”**, стихи, Сыктывкар, 1989 г. 4000 экз.

1990

А. Илларионов, Т. Новикова, А. Пашнев, В. Федоров **“Диалог под звездами”**, литературный альманах, Сыктывкар, 1990, 5000 экз.

П. Корюгин **“Час прозрения”**, стихи, Ухта, 1990 г. 300 экз.

1993

В. Аншуков, Н. Богданова, Г. Ботвинник, Н. Володарский, А. Егоренков, Н. Жуков, А. Журавлев, В. Журавлев-Печерский, Г. Иванов, А. Илларионов, П. Корюгин, Р. Лапина, А. Пашнев, В. Плавинский, Г. Сологуб, И. Терновский, Н. Фоменко, С. Широкова **“Отражение”**, литературный альманах, Сыктывкар, 1993, 300 экз.

В. Вохмин, Н. Сенькин, В. Федорова, **“Хрустальные мосты”**, стихи, Ухта, 1993 г. 1000 экз.

1995

А. Илларионов, Б. Тарбаев, Г. Сологуб, В. Федоров **“Белый бор”**, литературный альманах, Сыктывкар, 1995, 3000 экз.

А. Илларионов **“Одиночество”**, стихи, Москва, 1995 г. 3000 экз.

А. Пашнев **“Лирика”**, стихи, Санкт-Петербург, 1995 г. 1000 экз.

1996

Г. Ботвинник, Г. Иванов **“Листья памяти”**, стихи, Ухта, 1996 г. 500 экз.

Г. Иванов **“Тропинка забытой любви”**, стихи, НТИ, 1996 г. 500 экз.

В. Плавинский **“Времена перемен”**, стихи, Ухта, 1996 г. 500 экз.

Г. Сологуб **“Неверных нот чередование”**, стихи, Ухта, 1996 г. 1000 экз.

1997

А. Илларионов **“Маленькая станция”**, стихи, Сыктывкар, 1997 г. 1000 экз.

В. Аншуков **“Стремление к бесконечности”**, стихи, Сыктывкар, 1997 г. 1000 экз.

В. Афанасьев, А. Егоренков, А. Илларионов, А. Пашнев, Г. Сологуб, Н. Фоменко **“Белый бор”**, литературный альманах, Сыктывкар, 1997, 1000 экз.

И. Кутепова **“Лада милая, мой бажонный...”**, стихи, Ухта, 1997 г. 500 экз.

А. Мильков **“14 тигров и 6 шакалов”**, научная фантастика, Ухта, 1997 г. 500 экз.

А. Мильков **Собрание сочинений в 3-х томах**, научная фантастика, Ухта, 1997 г. 4 экз.

А. Пашнев **“Возвращение”**, стихи, Санкт-Петербург, 1997 г. 1000 экз.

С. Рулев **“Такси”**, научная фантастика, Ухта, 1997 г. 2000 экз.

С. Школьник **“Тебе, с любовью”**, стихи, Ухта, 1997 г. 500 экз.

1998

Надежда Канева **“Люби, не требуя ответа”**, стихи, Ухта, 1998 г. 500 экз.

ПЕРСОНАЛИИ

МИЛЬКОВ Алексей Леонтьевич

Родился в 1946 году в Ухте. Сначала одиннадцатилетка в школе № 11, затем окончил механический факультет УИИ. Работал в “УХТАНЕФТЕГАЗГЕОЛОГИЯ” по внедрению новой техники. Сейчас трудится прибористом в профилактории “Крохаль”.

Фантастикой увлекается с семнадцати лет. Любимые писатели — Станислав Лем, Роберт Шекли, Илья Варшавский, Чехов, Сидни Шелдон.

Писать фантастику начал шесть лет назад. Издал маленькую книжку “14 тигров и 6 шакалов” и сразу же трехтомное собрание сочинений.

Увлечения: шахматы, спорт, два сына.

В фантастике сделал много эпохальных открытий, например:

“Чем цивилизованней, а значит, гуманней человек, тем меньше у него в сознании тигров и больше коал” (рассказ “14 тигров и 6 шакалов”);

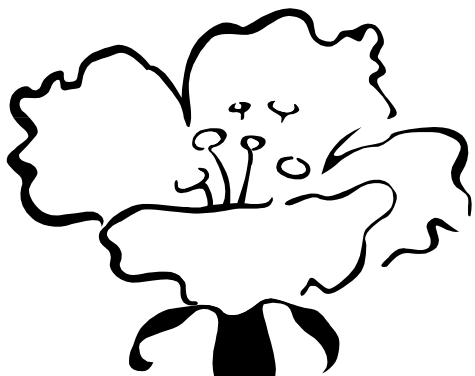
“Если есть зеркало, искажающее фигуру, следовательно, существует зеркало, которое ненормальную фигуру может представить в точном соответствии со всеми правильными эстетическими канонами на нее” (рассказ “Как я поверил в народную медицину”);

“...ждать, ждать, ждать и надеяться, и снова ждать” Закон роботизации номер Сто Четыре (повесть “Удачи большого мегаполиса”);

“Пренебрегать доверием, не уважать мораль и достижения общества — самое большое преступление” Закон роботизации номер Двести Пять (повесть “Удачи большого мегаполиса”);

“Смеются все. В жизни примат смеха незыблем и подавляющий. Это абсолютная философская истина” (рассказ “Смех”);

“Абсолютный императив – человек стремится к реализации своего высокого звания и смысла жизни, заранее подходя к черте достойного существования” (рассказ “Утилизатор и Удвоитель”);

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...
СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

Маргарита на тонких каблучках не могла идти по песку, руки раскинула, глаза полускрыла — таким манером ходят, должно быть, лунатики по коньку островерхой крыши, или по горящим угольям, или по лезвию бритвы.

Он взял крышку в руки, и коммивояжер с ужасом выскочил из гроба.

Геолог Холмский не хотел быть неудачным минером и принимал меры, но не мог ничего понять. На все попытки искусственно вызвать лавину природа не отзывалась. Повторно он перешел на взрывы, которые порождали трещины в коренной подстилающей породе, трещины расширились, но все было безрезультатно. Лавин не было.

— Ты помнишь историю Одиссея с сиренами? У меня что-то похожее происходит. Свяжи меня, изолируй, вставь в рот кляп, иначе я не жилец на этом свете.

Сельхозработница Настя была красива с длинными волосами, развевающимися на ветру, и огромными голубыми томными глазами. У нее было простенькое, но миленькое загорелое личико. Пахло от нее неизвестными волнующими духами, исходящими от смазки в местах сочленений. Она ходила важно и степенно от грядки к грядке, повиливая бедрами, еле прикрытыми набедренной повязкой.

“Корвет” только выскочил из туманной дали, как новоявленная планета прошла трансформацию из коричневой в ярко зеленый цвет за три минуты, и он чуть не напоролся в самую зелень.

— Жди у моря погоды, сначала рак на горе свистнет, — Горжалцан продемонстрировал фигу, кривую, смахивающую на человека с отвислыми ушами и длинным носом.

— Что с ним произошло?
— Утонул.
— Но здесь поблизости нет открытой воды.
— Грязевое извержение! Никто на Земле, даже отдаленно, не мог представить себе, что это такое.

Трактора делали демонстрационную вспашку, бороны борошили, сеялки сеяли, жатки жали, сноповязалки укладывали снопы красивыми теремами. Косилка, на ходу стрекочущая ножами, чуть не наткнулась на Коалу, но обошла стороной, при этом чикнула дерево и оно повалилось, едва не подмяв под себя Слона.

Алексей МИЛЬКОВ

Главной своей задачей члены УКЛФ (Ухтинского клуба любителей фантастики) считают:

1. Воспитание влюбленности в научную фантастику, как наиболее отличительную особенность всякого уважающего себя интеллектуала.
2. Забыть о социалистическом реализме, как о наиболее вредном, закрепощающем литературном методе.
3. Применять только один наркотик, уносящий в другие миры — это фантастику.
4. Объединяться! Объединяться! Объединяться!